

ЗАКЛЮЧЕНІЕ

**Общій взглядъ на происхожденіе и историческое развитіе чино-
послѣдованій крещенія и муропомазанія.**

**Начало избранія формы крещенія. Общее обзорѣе внѣшняго раз-
витія крещальнаго чина. Условія этого развитія и окончательный
его моментъ. Начало появленія въ чинѣ крещенія различныхъ
составныхъ его актовъ. Главныя положенія, вытекающія изъ исто-
рическаго обзорѣя внѣшняго развитія крещальнаго чина. Обзорѣ-
ніе внутренняго развитія крещальнаго чина, въ отношеніи упоря-
доченія составныхъ его актовъ. Внутреннее развитіе крещальнаго
чина въ отношеніи къ устойчивости составныхъ его актовъ и об-
щее обзорѣе этого развитія. Общія положенія, вытекающія изъ об-
зорѣя внутренняго развитія крещальнаго чина. Происхожденіе со-
ставныхъ актовъ чина муропомазанія. Обзорѣе внѣшняго развитія
этого чина и условія бѣдности этого развитія. Общій взглядъ на
внутреннее развитіе этого чина. Общія положенія изъ историческаго
обзорѣя чина муропомазанія.**

Бросая общій взглядъ на все сказанное въ предыду-
щихъ главахъ, мы видимъ, что наша рѣчь была о слѣдую-
щихъ предметахъ. Прежде всего мы сказали о крещеніи съ
его догматической стороны и коснулись вопроса о проис-
хожденіи этого таинства со стороны ритуальной; затѣмъ
перешли къ самой исторіи чинопослѣдованія крещенія, въ
ея дидактической и ритуальной сторонѣ, а потомъ сдѣлали
историческое обзорѣе самой совершительной части креще-
нія, изслѣдуя каждый изъ составныхъ ея актовъ въ отдѣль-
ности; наконецъ, изложивъ исторію чина муропомазанія и
заключительныхъ актовъ крещальнаго чина, мы сказали

нѣсколько словъ и о предметахъ, косвенно относящихся къ вопросу о совершеніи разсмотрѣнныхъ чинопослѣдованій, т. е. сказали о мѣстѣ и времени совершенія крещенія, о совершителяхъ этого таинства и таинства муропомазанія, и, наконецъ, о лицахъ, привимающихъ крещеніе, и воспріимчивоствѣ. Изслѣдованіемъ упомянутыхъ предметовъ мы исчерпали, насколько это возможно было, все, что относится къ исторіи намѣченныхъ чинопослѣдованій, и такимъ образомъ, свое историческое изслѣдованіе послѣднихъ можемъ считать законченнымъ. Для полноты изслѣдованія, намъ остается теперь въ самыхъ общихъ чертахъ сдѣлать обстоятельное заключеніе, чтобы представить общій взглядъ на происхожденіе обрядовой стороны чина крещенія и чина муропомазанія и на характеръ историческаго развитія того и другаго чинопослѣдованія въ связи съ условіями, способствовавшими этому развитію. Остановимся прежде на актѣ крещенія.

Какъ актъ, имѣющій своимъ назначеніемъ очистить человѣка отъ первороднаго грѣха и отъ грѣховъ, совершенныхъ уже имъ самимъ, возстановитъ поврежденную первороднымъ грѣхомъ падшую природу человѣка, освободитъ послѣдняго изъ-подъ власти діавола, содѣлать его членомъ благодатнаго царства Христа,—какъ священнодѣйствіе, направленное къ тому, чтобы воссоединить человѣка съ Богомъ, словомъ какъ таинство,—крещеніе христіанское есть актъ совершенно новый, совершенно невѣдомый міру до явленія ему Христа, актъ чисто христіанскій.

Правда, и до появленія христіанства, какъ въ іудейскомъ, такъ и въ другихъ культахъ мы встрѣчаемъ дѣйствія, напоминающія актъ христіанскаго крещенія (¹). Но эти дѣйствія по своему внутреннему значенію были далеко не то, что христіанское крещеніе: онѣ были только естественнымъ обнаруженіемъ общечеловѣческаго сознанія необходимости очищенія отъ скверны грѣха, но не имѣли дѣйствительной очистительной силы. Крещеніе же не только очищаетъ, но изглаждаетъ грѣхи и возрождаетъ таинственно. Существованіе такого возрождающаго и возстановляющаго падшую, человѣческую природу дѣйствія, дѣйствія истинно-сакраментальнаго, обуславливается только присутствіемъ въ Церкви

(¹) См. стр. 19 и далѣе.

благодати Святаго Духа. Но послѣдній фактъ имѣеть свое начало и бытіе въ мірѣ только съ явленіемъ Христа, Который по Своёмъ вознесеніи ниспослалъ вѣрующимъ Духа Святаго—Утѣшителя.

Но если христіанское крещеніе таково по своему происхожденію со стороны внутренней, то какъ нужно смотрѣть на происхожденіе его со стороны внѣшней, которая представляетъ собою, въ ея существенномъ видѣ, омовеніе водою съ произнесеніемъ словъ: „во имя Отца и Сына и Святаго Духа“? Конечно, какъ явленіе совершенно новое, по своему внутреннему значенію, христіанское крещеніе должно было быть и въ своемъ обнаруженіи также фактомъ новымъ, вполне соотвѣтствующимъ его внутреннему содержанію. Особенно же такими должны быть тѣ элементы, которые даютъ этому акту силу таинства. Въ крещеніи же, какъ мы видѣли, въ его внѣшней сторонѣ, такими элементами служатъ 1) произнесеніе словъ: „во имя Отца и Сына и Святаго Духа“ и 2) троекратное погруженіе въ воду. И дѣйствительно, первый изъ этихъ элементовъ совершенно новый: начало ему положено самимъ Иисусомъ Христомъ, въ его ясной заповѣди о крещеніи: *„идите научите вся языки крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа“*.

Что же касается до другаго элемента внѣшней стороны крещенія—омовенія водою, то хотя омовеніе это было употребительно какъ символъ очищенія и въ дохристіанскомъ мірѣ, однако и оно въ христіанскомъ крещеніи явилось не вслѣдствіе заимствованія, а вслѣдствіе ясной заповѣди Спасителя, сказавшаго: *„аще кто не родится водою и духомъ, не можетъ внити въ царствіе Божіе“*. Что касается того, почему Спаситель благоволилъ избрать для крещенія именно воду, а не другое какое либо вещество, хотя могъ бы избрать и всякое другое, то конечно потому, что снисходя человѣческой природѣ, хотѣлъ, чтобы въ этомъ таинствѣ употребляемъ былъ символъ общеизвѣстный и общепонятный — такое вещество, которое и по естественнымъ своимъ свойствамъ наиболее прилично для этого (1).

(1) См. Кирилла Іерусалимскаго огл. поуч. XVI, гдѣ св. отецъ говоритъ о водѣ, какъ о веществѣ особенно пригодномъ для символическии благодати возрождающей.

Обращаемся теперь къ историческому обзору чинослѣдованія крещенія, при чемъ прежде необходимо сдѣлать слѣдующую замѣтку. Каждый актъ христіанскаго богослуженія, обыкновенно, слагается изъ различныхъ элементовъ. Это равнымъ образомъ должно сказать и о крещеніи. Элементы эти являлись въ чинѣ не вдругъ, но постепенно, по мѣрѣ необходимости. Это съ одной стороны; съ другой,—элементы эти, входя въ составъ чина, занимали въ немъ то или другое опредѣленное положеніе въ отношеніи къ другимъ элементамъ, что было также не вдругъ, но постепенно. Имѣя въ виду тотъ и другой фактъ, очевидно, что какъ каждое чинослѣдованіе, такъ равнымъ образомъ и разсматриваемое нами — чинослѣдованіе крещенія — имѣетъ историческое развитіе двойное—внѣшнее и внутреннее. Подъ первымъ собственно разумѣется историческое движеніе чина на пути осложненія новыми и новыми элементами; подъ вторымъ же—историческое движеніе его въ упорядоченіи и устойчивости этихъ самыхъ элементовъ. Поэтому, и намѣреваясь дѣлать общій обзоръ историческаго развитія чинослѣдованія крещенія, мы будемъ примѣняться къ этому именно дѣлевію.—Итакъ, останавливаемся прежде на внѣшнемъ развитіи чинослѣдованія крещенія.

Самъ Спаситель, строго говоря, не установилъ никакого чина крещенія въ строгомъ смыслѣ этого слова. Въ своей заповѣди относительно крещенія и въ другихъ выраженіяхъ, относящихся къ этому таинству, Онъ указываетъ только: какъ, кому и при какихъ обстоятельствахъ должна быть преподаваемо таинство крещенія, указываетъ только существенные элементы, которые должны служить дополненіемъ самаго акта крещенія и составить съ нимъ одно дѣло, показывая въ тоже время и взаимоотношеніе этихъ частей между собою въ порядкѣ слѣдованія ихъ одна за другою. Иисусъ Христосъ даетъ, такимъ образомъ, только основную форму для чина крещенія, умалчивая же о разнаго рода подробностяхъ и частностяхъ, онъ этимъ самымъ только какъ бы даетъ право апостоламъ, а равно и ихъ преемникамъ, восполнить данное Имъ подробностями, какія будутъ требоваться,—но требованіямъ мѣста или времени.

Не смотря на то, крещеніе согласно уже указаніямъ Спасителя имѣло всѣ задатки для того, чтобы сдѣлаться

сложнымъ литургическимъ актомъ. И потому, уже въ вѣкъ апостоловъ оно вполне стало таковымъ. Когда апостолы осуществили на практикѣ начала, данныя Иисусомъ Христомъ, дополнивъ ихъ нѣкоторыми дѣйствіями, крещеніе получило известную форму, стало совершаться по известному порядку или чину и съ тѣмъ вмѣстѣ, выдѣлившись изъ ряда обыкновенныхъ дѣйствій, составило одинъ изъ главныхъ актовъ христіанскаго культа и такимъ образомъ сдѣлалось еверибно литургическимъ актомъ, хотя этотъ литургическій актъ по обстоятельствамъ и не былъ приуроченъ ни къ опредѣленному мѣсту, ни къ опредѣленному времени.

Тѣмъ не менѣе вѣншее развитіе чина крещенія въ вѣкъ апостольскій было слишкомъ слабо. Изъ предыдущаго изслѣдованія мы видѣли, что крещеніе того времени слагалось изъ слѣдующихъ элементовъ: изъ наставленія, въ которомъ сообщались главные истины вѣры христіанской,—покаянія или что тоже—отреченія отъ прежнихъ религіозныхъ или нравственныхъ убѣжденій,—и открытаго исповѣданія вѣры во Христа. Ко всему этому присоединялось, наконецъ, самое совершеніе крещенія, о которомъ только и известно, что оно совершалось чрезъ погруженіе съ произнесеніемъ словъ: „во имя Отца и Сына и Святаго Духа“, — затѣмъ павонецъ, произносилась молитва самимъ крещаемымъ.— Такимъ образомъ въ апостольское время совершеніе крещенія представляло собою не болѣе, какъ только осуществленіе на практикѣ тѣхъ элементарныхъ моментовъ акта крещенія, которые указаны были самимъ Иисусомъ Христомъ,—при чемъ осуществленіе это само по себѣ было просто, безъ всякихъ осложненій въ отношеніи указанныхъ Спасителемъ моментовъ. Если и сдѣлано сверхъ этого какое либо дополненіе апостолами, то оно относилось только къ молитвѣ, произносимой крещаемымъ лицомъ; да и это дополненіе вытекало изъ сущности самаго дѣла, само по себѣ должно было явиться.

Иначе, впрочемъ, въ это время и быть не могло. Въ бесѣдѣ съ самарянкою Иисусъ Христосъ сказалъ, что поклоненіе Богу должно быть поклоненіемъ духомъ. Религія христіанская, въ противоположность всѣмъ прочимъ историческимъ естественнымъ и ложнымъ религіознымъ культамъ, должна быть религіею духовною. Апостолы, согласно съ ученіемъ своего Божественнаго учителя, ясно созна-

вали эту характерную отличительную черту христианского Богопочтения, это преимущество христианской религии. Вследствие этого обрядность въ ихъ взглядѣ занимала второстепенное мѣсто, и полную законченность со стороны суммы составныхъ частей каждаго акта, а равнымъ образомъ и крещенія, они, естественно, предоставили своимъ преемникамъ, руководимымъ благодатію Св. Духа, что было вполне согласно съ характеромъ наставленій Іисуса Христа въ данномъ случаѣ. Это съ одной стороны. Съ другой — иначе не могло быть и по обстоятельствамъ того времени. Спаситель міра въ самый моментъ расставанія съ Своими учениками, въ Своей прощальной бесѣдѣ съ ними, торжественно сказалъ имъ: „идите и научите все народы, крестя ихъ“ и пр. Въ этихъ словахъ, въ которыхъ вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ установительный моментъ крещенія, Іисусъ Христосъ высказалъ и главное назначеніе, главную цѣль дѣятельности апостоловъ, а съ ними и всей первенствующей церкви, — цѣль проповѣди и открытаго возвѣщенія, повсюднаго распространенія новаго божественнаго ученія. Апостолы, какъ мы видимъ изъ дѣятельности ихъ, описываемой нѣкоторыми изъ нихъ-же самихъ, дѣйствительно, строго исполнили послѣднее заповѣданіе своего Божественнаго Наставника и ревностно и неуклонно преслѣдовали главную цѣль своего назначенія — распространеніе новаго ученія.

Помяну, что при такомъ направленіи всѣхъ дѣйствующихъ силъ первенствующей церкви, направленіе силъ внутрь, и между прочимъ въ практической богослужебной сторонѣ христианства, при чемъ естественно было бы ждать и болѣе богатаго внѣшняго развитія чина крещенія, — было немыслимо. Достаточно было и того, что апостолы въ болѣе или менѣе опредѣленномъ (въ сущности) видѣ осуществили практически все наставленіе Спасителя, относящееся къ крещальному акту, придали послѣдному болѣе или менѣе опредѣленную форму, заключавшую въ себѣ все существенное и необходимое и такимъ образомъ нанѣли извѣстный порядокъ для совершенія крещенія, который и остался руководствомъ какъ для непосредственныхъ преемниковъ апостоловъ, такъ и для послѣдующаго времени. Нужно сказать, наконецъ, что отличаюсь простотою и несложностью при своемъ возникновеніи, чинъ крещенія былъ вполне соотвѣд-

отвѣтъ съ потребностями времени, когда ограниченное число апостоловъ должно было въ нѣсколько дней преподавать крещеніе дѣльнямъ тысячамъ.

Чинъ крещенія, созданный практикою апостольскаго времени, на основаніи указаній и наставленій Спасителя, не застылъ въ одномъ и томъ же положеніи, но, подобно новорожденному младенцу, сталъ расти и развиваться и съ теченіемъ времени достигъ полной степени развитія въ количественномъ отношеніи. Съ теченіемъ времени въ этотъ чинъ введены были новыя дѣйствія, вызванныя временемъ и могущія способствовать къ большому возбужденію религіознаго чувства. „Чтобы выразить все величіе таинства крещенія, говорить одинъ авторъ изслѣдованія' объ этотъ таинствѣ, — приблизить его къ пониманію человѣка и яснѣе представить ему тѣ блага, какія сообщаются чрезъ крещеніе, пастыри церкви, какъ преемники апостольскаго служенія, облекли его въ благолѣпную одежду обрядовъ, знаменующихъ возрожденіе внутренняго человѣка“ (1). Но введеніе новыхъ дѣйствій въ чинъ крещенія, увеличеніе его обрядовой стороны совершалось не вдругъ, а постепенно, и не по какимъ либо прихотямъ пастырей церкви, а исключительно подъ вліяніемъ разнаго рода обстоятельствъ.

Неизвѣстно только, въ какомъ состояніи, въ разсматриваемомъ нами отношеніи, находился чинъ крещенія въ эпоху, слѣдующую за вѣкомъ апостоловъ—эпоху мужей апостольскихъ. Творенія свидѣтелей дѣятельности апостоловъ, какъ мы видѣли выше, не только не говорятъ намъ о какихъ-либо осложненіяхъ въ чинѣ крещенія, но даже и о тѣхъ составныхъ частяхъ, которыя ясно намѣчены въ совершеніи крещенія практикою апостольскаго времени, говорятъ не о всѣхъ, а только о нѣкоторыхъ, да и объ этихъ-то упоминаютъ вскользь, прикровенно. Собственно говоря, изъ чина крещенія эпохи мужей апостольскихъ намъ только извѣстно, что крещеніе совершалось чрезъ погруженіе. Тѣмъ не менѣе мы имѣемъ полное право думать, что въ это время развитіе чина крещенія едвали хоть сколько нибудь подвинулось впередъ. Скорѣе всего нужно предполагать, что чинъ

(1) *Рубцовъ* (свящ.). «О таинствѣ крещенія». Сиб. 1850 г. стр. 6.

крещенія апостольскаго времени всецѣло сохранился въ эпоху мужей апостольскихъ и не увеличивался новыми дѣйствіями, потому что для этого не было никакого повода. (Объ отсутствіи нововведеній отрицательнымъ образомъ свидѣтельствуютъ и самыя творенія мужей апостольскихъ. Если бы введено было что либо новое, то мужи апостольскіе должны были бы въ своихъ твореніяхъ упомянуть объ этомъ, а этого мы не замѣчаемъ.)

Такое отсутствіе внѣшняго развитія въ данномъ случаѣ нисколько не удивительно, если только мы обратимъ вниманіе на близость, можно сказать, даже слитность эпохи мужей апостольскихъ съ предшествующимъ временемъ—временемъ апостоловъ. Благодаря этому обстоятельству, характеръ направленія дѣйствующихъ силъ церкви этой эпохи долженъ былъ оставаться тотъ же, что и въ церкви апостольской, т. е. и въ эту эпоху все силы церкви главнымъ образомъ стремились къ внѣшнему распространенію или развитію церкви, и въ это время главнымъ стремленіемъ пастырей и всехъ вообще членовъ церкви было—разливать свѣтъ новаго благодатнаго ученія и въ центръ и по окраинамъ тогдашняго люднаго историческаго міра. Это, такъ сказать, отрицательное обстоятельство, задержавшее развитіе богослужебнаго христіанскаго культа вообще и чина крещенія—въ частности. Къ этому же нужно присоединить и то, что къ такому развитію не было и положительныхъ поводовъ или причинъ. Прогрессъ развитія или богослужебнаго культа вообще или извѣстнаго богослужебнаго чина въ частности, во внѣшнемъ, а равно и во внутреннемъ отношеніи,—если не абсолютно, то главнымъ образомъ имѣетъ въ своей основѣ какіе либо внѣшніе или внутренніе поводы, или мотивы. Саморазвитіе богослужебнаго культа, внѣ постороннихъ обстоятельствъ, относящихся къ нему прямо или косвенно,—если нельзя сказать немислимо, то, по крайней мѣрѣ, для своего прогресса требуетъ цѣлыя вѣка. Лучшимъ подтвержденіемъ этого служитъ въ данномъ случаѣ только оставленный нами вѣкъ апостольскій. Благодаря отсутствію внѣшнихъ причинъ, христіанское богослуженіе этого времени, само собою, дѣйствительно, едвали хоть сколько нибудь подвинулось на пути своего развитія, даже если мы возьмемъ во вниманіе послѣдніе дни эпохи апостоловъ. Не менѣе наглядное доказательство пред-

ставляютъ намъ позднѣйшіе, ближайшіе къ нашему времени вѣка, когда въ процессѣ внѣшняго развитія христіанскаго богослуженія мы замѣчаемъ совершенный застой по той же причинѣ, хоть и не можемъ сказать, что это развитіе окончилось. Относительно же эпохи мужей апостольскихъ, въ отношеніи къ акту крещенія, должно сказать именно тоже самое. Въ это время, дѣйствительно, не было какихъ либо чувствительныхъ мотивовъ, которые бы заставили предстоятелей многочисленныхъ церквей обратить преимущественно свое вниманіе на богослуженіе церкви. Если бы они были, то послѣдствія этихъ мотивовъ, если не на крещеніи, то на другомъ какомъ либо богослужебномъ актѣ мы должны бы видѣть.

Однако уже во второй половинѣ II вѣка внѣшнее развитіе чина крещенія становится довольно замѣтнымъ. Не говоря уже о тѣхъ дѣйствіяхъ, существованіе которыхъ въ чинѣ крещенія въ этотъ вѣкъ заставляють предполагать нѣкоторыя болѣе или менѣе вѣскія соображенія,—мы имѣемъ прямыя свидѣтельства въ доказательство привнесенія въ него въ это время нѣкоторыхъ новыхъ дѣйствій. *Иустинъ Мученикъ*, самый важный для насъ свидѣтель II вѣка, послѣ наложенія содержанія приготovitельнаго акта къ крещенію, говоритъ: „потомъ мы приводимъ ихъ (крещаемыхъ) туда, гдѣ есть вода и они возрождаются такимъ же образомъ, какъ сами мы возрождались, т. е. омываются тогда водою во имя Бога Отца и Владыки всего и Спасителя нашего Иисуса Христа и Духа Святаго“;... затѣмъ далѣе продолжаетъ:... „чтобы получить намъ отпущеніе грѣховъ прежнихъ, въ водѣ именуется на хотящемъ возродиться и раскаявшемся въ грѣхахъ имя Отца всего и Владыки Бога. Это имя произноситъ тотъ, кто ведетъ приемлющаго омовеніе въ купели, потому что никто не можетъ сказать имя неизреченнаго Бога. И при имени Иисуса Христа, распятаго при Понтіѣ Пилатѣ, и при имени Духа Святаго, который чрезъ пророковъ предвозвѣстилъ все, относящееся къ Иисусу, омывается просищаемый.... Послѣ того, какъ омоется такимъ образомъ увѣровавшій и давшій свое согласіе, мы ведемъ его къ такъ называемымъ братьямъ въ общее собраніе, для того, чтобы со всѣмъ усердіемъ совершить общія молитвы, какъ о себѣ, такъ и о просвѣщенномъ и о всѣхъ другихъ всюду находящихся“.

Анализируя эти слова *Иустина* и дополняя их свѣдѣніями изъ другихъ произведеній этого времени, мы можемъ составить себѣ такое общее представленіе о чинѣ крещенія II вѣка. Какъ и въ предыдущее время крещеніе совершалось чрезъ погруженіе; когда крещаемый погружался, то надъ нимъ произносилась формула крещенія. Просвѣщеннаго святымъ таинствомъ вводили въ церковь для участія въ божественной литургіи, съ совершеніемъ которой во II вѣкѣ стояло въ тѣсной связи совершеніе другихъ таинствъ. Введеніе это сопровождалось молитвами, какъ о новопросвѣщенномъ, такъ и всѣхъ другихъ, повсюду находящихся. Этими послѣднимъ обрядомъ во II вѣкѣ и заканчивался актъ крещенія. Изъ этого краткаго очерка чина крещенія II вѣка видно, что совершеніе его въ это время въ существенныхъ своихъ частяхъ было такимъ же, какъ и въ предшествующее время; но вмѣстѣ съ тѣмъ чинъ увеличился уже новою частностью—это торжественнымъ введеніемъ крещаемого въ собраніе вѣрныхъ, соединеннымъ съ произнесеніемъ за него молитвъ. Кромѣ этого, какъ можемъ припомнить, въ это же время въ крещальный чинъ введены были заклинанія. Правда, то и другое дѣйствіе не составляютъ собою прямого прибавленія къ самому чину крещенія, тѣмъ не менѣе они составляютъ собою два акта,—тѣсно связанные съ главною совершительною частію акта крещенія. Впрочемъ, если въ это время въ чинѣ крещенія и явились нѣкоторыя дѣйствія новыя, въ общемъ онѣ составляютъ очень незначительное дополненіе.

Восполненіе чина крещенія введеніемъ въ него новыхъ дѣйствій началось главнымъ образомъ съ III-го вѣка. Согласно свидѣтельству главнаго источника этого вѣка—„Апостольскихъ Постановленій“—и частнымъ свидѣтельствамъ, особенно въ твореніяхъ *Тертуліана* и *Кипріана*, мы видимъ, что за приготовительною частію крещенія, существенный актъ которой составляли заклинанія, ставшія теперь окончательнымъ достоинствомъ крещальнаго чина, совершительная часть крещенія начиналась отреченіемъ отъ сатаны, за которымъ слѣдовало сочтаніе Христу, а послѣ этого помазаніе елеемъ. Затѣмъ, самымъ ближайшимъ актомъ къ рѣшительному моменту крещенія было освященіе воды. Самое крещеніе совершалось троекратнымъ погруженіемъ въ воду крещаемого съ произнесеніемъ словъ „во имя Отца и Сына

и Святаго Духа“. Послѣ принятія крещенія, новопросвѣщенный произнесилъ молитву Господню—Отче нашъ и другую молитву, въ которой испрашивалъ себѣ покровительство Божіе (1). Вслѣдъ за этимъ актомъ, по всей вѣроятности, слѣдовало участіе новопросвѣщеннаго въ литургіи. Кромѣ этихъ составныхъ частей, мы находимъ здѣсь въ первый разъ облаченіе въ бѣлыя одежды, надѣваніе вѣнца, вкушеніе меда и молока и др. обряды. Однимъ словомъ, въ этомъ вѣкѣ мы видимъ почти всѣ обряды, или составные акты крещальнаго чина, только въ болѣе простой формѣ, чѣмъ мы находимъ ихъ въ послѣдующей крещальной практикѣ. Такимъ образомъ, въ III вѣкѣ внѣшнее развитіе чина крещенія быстро двинулось впередъ.

Конечно, это быстрое движеніе разсматриваемаго чина въ усложненіи обрядовой стороны имѣло извѣстныя, болѣе или менѣе сильныя, условія, способствовавшія этому факту. Въ чемъ же заключались эти условія? При частномъ изслѣдованіи отдѣльныхъ составныхъ элементовъ обрядовой стороны крещенія, мы, по мѣрѣ необходимости, уже указывали на нихъ въ короткихъ чертахъ. Но такъ какъ въ настоящемъ случаѣ уясненіе этого вопроса представляется болѣе удобнымъ и даже необходимымъ, — чѣмъ въ какомъ либо другомъ, то мы постараемся представить эти условія, хотя и въ общихъ чертахъ, но во всей совокупности.

Условія эти довольно сложны. Вообще они состояли какъ во внѣшнемъ положеніи церкви того времени, такъ и во внутреннемъ ея состояніи,—въ частности же—заключались въ слѣдующемъ. Все богослуженіе какого бы то ни было культа, равнымъ образомъ и христіанскаго, какъ практическое выраженіе внутренняго богопочтенія, всегда находится въ самой тѣсной связи съ его теоретическимъ ученіемъ вообще. Но особенно это нужно сказать относительно сакраментальныхъ дѣйствій, которыя всегда самымъ тѣснымъ образомъ связываются съ сущностію теоретическаго ученія. Въ такомъ именно отношеніи въ христіанствѣ къ теоретическому его ученію стоитъ и крещеніе. Отсюда понятно,

(1) «Constitut. Apostol. Lib. VII, cap. XII—XIV; Curs. Compl. Patrolog. Ser. Graec. Tom 1, col. 1041—1043; «Апост. Пост., въ русск. пер., стр. 239—243.

что и высшее развитіе послѣдняго находится въ самой тѣсной связи съ развитіемъ христіанскаго сознанія, съ развитіемъ христіанскаго ученія въ болѣе и болѣе опредѣленную систему. Ученіе же Спасителя, особенно въ концѣ III вѣка, хотя и не исполнило, но было уже близко къ окончательному развитію въ систему. На этомъ основаніи однимъ изъ условій, содѣйствовавшихъ въ данное время высшему развитію чинослѣдованія крещенія, мы признаемъ прежде всего развитіе христіанскаго сознанія. Этотъ фактъ, по нашему мнѣнію, лежитъ въ основаніи внесенія въ чинъ крещенія такихъ дѣйствій, также въ некоторомъ смыслѣ относящихся къ дѣйствіямъ сакраментальнымъ, каково, напр.: освященіе воды, заклинаніе елеса, заклинанія вообще. Такія дѣйствія могли явиться только именно тогда, когда христіанское сознаніе занялось вопросомъ объ отношеніи злыхъ духовъ къ предметамъ неодушевленнымъ и одушевленнымъ и ясно и опредѣленно уяснило это отношеніе. Это же сознаніе явилось именно въ данное время, если припомнить, что въ твореніяхъ этой именно эпохи (напр. у *Тертуліана*) мы находимъ довольно подробныя разсужденія по вопросу объ отношеніи злыхъ духовъ къ видимой природѣ.

Нельзя, далѣе, не указать, какъ на условіе, способствовавшее развитію крещательнаго акта, и на направленіе дѣйствующихъ силъ церкви этого времени. Та цѣль, какую для первенствующей церкви Іисусъ Христосъ уважалъ въ своей прощальной бесѣдѣ съ учениками, въ III вѣкѣ, если не исполнила, то, по крайней мѣрѣ, болѣе, чѣмъ на половину, была достигнута. Свѣтъ христіанскаго ученія проникъ всюду,—и уже болѣе половины приверженцевъ ложныхъ религій сдѣлались ревностными послѣдователями Христа. Естественно, что при такомъ состояніи церкви, ея силы, прежде всецѣло направленные на дѣятельность внѣ предѣловъ церкви, мало по малу стали теперь обращаться и на дѣятельность внутри ея. При такомъ же оборотѣ дѣла,—тѣмъ болѣе, что еще въ III вѣкѣ не было столь сильныхъ поводовъ заниматься теоретическою стороною христіанскаго ученія, какіе явились впоследствии,—эти силы, направлявшіяся къ внутренней дѣятельности, первѣе всего должны были обратиться на дѣятельность практическую, на дѣло въ пользу устройства и развитія христіанства съ его богослужебно-ритуальной стороны.

Но какъ первое, такъ и послѣднее условіе, по нашему мнѣнію, еще не были главными условіями, способствовавшими внѣшнему развитію крещальнаго чина въ разсматриваемое нами время. Какъ тотъ, такъ и другой фактъ были еще слабы сами по себѣ, и если имѣли вліяніе на развитіе чина крещенія, то вліяли довольно слабо. Главное же условіе заключалось въ отношеніяхъ между язычествомъ и церковію. Какъ показываетъ намъ исторія церкви, въ разсматриваемый нами не долгій періодъ, послѣ небольшого промежутка времени, продолжавшагося около двухъ десятковъ лѣтъ, шесть гошеній, одно другаго продолжительнѣе и жесточе, преименно слѣдовали одно за другимъ, смѣняя другъ друга. Всевозможныя казни вырывали множество жертвъ, страшно опустошая ряды членовъ церкви. Въ числѣ мучениковъ за вѣру очень часто встрѣчались и такія лица, которыя еще только готовились быть членами церкви, были оглашенными. Съ другой стороны, въ числѣ лицъ въ послѣднемъ родѣ, какъ мы замѣчали не разъ выше, очень нерѣдко попадались лица, высказавшія желаніе сдѣлаться христіанами не изъ истинныхъ убѣжденій, а съ цѣлью, разузнавши сущность теоретической и практической стороны христіанства, потомъ публично, открыто и нагло смѣяться надъ всѣмъ этимъ. При такомъ печальномъ положеніи дѣлъ, церковъ,—въ тяжелые дни своего существованія всегда подкрѣплявшая своихъ членовъ молитвами,—въ первомъ случаѣ, очевидно, должна была и оглашенныхъ, какъ также нуждавшихся въ подкрѣпленіи молитвою, допустить къ участию въ общихъ молитвахъ вѣрныхъ, въ общественномъ богослуженіи христіанъ, потому что общественныя моленія скорѣе достигаютъ своей цѣли. Сдѣлавъ же это,—не говоримъ уже о томъ, что такой фактъ во многомъ повліялъ на порядокъ общественнаго богослуженія,—волей и не волей должно было расширить кругъ дѣйствій, входившихъ въ чинопослѣдованіе крещенія, въ его цѣломъ видѣ, т. е. въ приготовительной и совершительной части. Указанная нами другая печальная сторона дѣла для предотвращенія печальныхъ фактовъ принятія въ свою среду членовъ предателей,—естественно заставляла церковъ принимать новыхъ членовъ съ крайнею осторожностію. Это въ свою очередь, конечно, заставило удлиннить срокъ приготовленія ко крещенію,—что, очевидно, повело къ усложненію приготовительнаго чина ко крещенію

новыми дѣйствіями. Правда, въ томъ и другомъ случаѣ влияние отношеній язычества было влияніемъ косвеннымъ и отразилось главнымъ образомъ на развитіи приготовительной къ крещенію части. Но, какъ мы могли замѣтить, въ разсматриваемый нами періодъ главнымъ образомъ развилась именно эта часть.

Не смотря на обширное внѣшнее развитіе, полученное чиномъ крещенія въ III вѣкѣ,—оно, однако, не было окончено. Восполненіе чина крещенія, начавшееся во II вѣкѣ, значительно усилившееся въ III вѣкѣ, продолжалось и въ эпоху IV и V вѣковъ, хотя и не въ такой степени, какъ прежде. Въ это время литургическая сторона крещенія достигла наиболѣе полнаго развитія. Это развитіе, какъ развитіе внѣшнее, въ IV—V вв., приняло впрочемъ, нѣсколько другой характеръ, другое направленіе. Въ эту эпоху внѣшнее развитіе состояло главнымъ образомъ уже не въ привнесеніи въ чинъ крещенія элементовъ, самихъ по себѣ совершенно новыхъ, но главнымъ образомъ направилось къ большому усложненію тѣхъ элементовъ, которые уже даны были практикою предыдущаго времени. Повятно, что при такой перемѣлѣ направленія, и условія, отъ которыхъ стояло въ зависимости это развитіе, были уже не тѣ, что прежде. Тѣмъ не менѣе въ своемъ принципѣ онѣ, вѣроятно, исходили изъ одного и того же источника, какъ и прежде. Какъ въ предыдущую эпоху, такъ и теперь внѣшнее развитіе крещеннаго чина, какъ и вообще всего богослуженія того времени, въ своей основѣ главнымъ образомъ зависѣло отъ влияния отношеній христіанской церкви къ язычеству. Различіе только въ томъ, что въ разсматриваемую эпоху отношенія эти вліяли уже другою стороною, т. е. не жестокимъ гражданскимъ давленіемъ,—давленіемъ силы на всюду распространившееся христіанское общество. Въ чемъ же заключалось это вліяніе?

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы уже указывали на него. Въ IV вѣкѣ церковь получила, такъ сказать, права гражданства,—и христіанская религія сдѣлалась господствующею. Язычеству, не смотря на огромную еще массу своихъ послѣдователей ⁽¹⁾, безсильнымъ и одряхлѣвшимъ, слабымъ и

⁽¹⁾ Христ. Чт. 1881 г. По поводу христіанскихъ вѣдомостей: Декабрь, стр. 714—715.

подавленнымъ стояло предъ новою благодатною религіею христіанства. Тѣмъ не менѣе оно не считало себя вполне побѣжденнымъ. Оно еще разъ въ продолженіе цѣлаго IV вѣка дѣлаетъ судорожную, предсмертную попытку воротить свое господство и поколебать христіанство. Но преслѣдуя эту напрасную цѣль, оно уже не прибѣгаетъ за помощію къ гражданской власти, — послѣдняя стояла теперь на сторонѣ и во главѣ новой универсальной религіи — христіанства. За этою послѣднею помощію язычество рѣшилось обратиться къ своей религіи. Но такъ какъ религія язычниковъ безсилна, пуста, безжизненна въ своемъ ученіи, въ сравненіи его съ христіанскимъ ученіемъ, и представляла изъ себя лишь цѣлую массу обрядовъ, которыми христіанство было еще очень бѣдно, то приверженцы язычества, для противодѣйствія новой религіи, и ухватились за послѣднюю сторону своего культа. Съ этою цѣлію, они всѣми силами устремились усложнять свой, и безъ того развитой, богослужебный культъ. Бывшіе уже прежде обряды получили теперь большую помпезную обстановку; появились новыя торжественныя и великолѣпныя процессіи и церемоніи. И дѣйствительно, эти старанія нерѣдко увѣнчивались успѣхомъ. Даже во время *Златоуста*, какъ нерѣдко можно видѣть изъ содержанія его словъ, — довольно часто бывали такіе случаи, когда христіане цѣлыми толпами стремились присутствовать при торжественныхъ языческихъ церемоніяхъ. Естественно, что для противодѣйствія такому губельному вліянію язычества церковь должна была употребить тоже самое оружіе, какимъ дѣйствовали и язычники. Такъ, дѣйствительно, и было вообще. Во имя этого противодѣйствія, церковь старалась дѣлать и свои акты возможно болѣе торжественными, чтобы стройностью и торжественностью ихъ совершенно изгнать изъ воображенія лицъ слабыхъ образы нынѣшняго языческаго греко-римскаго культа. вмѣстѣ съ этимъ, для достиженія таковой цѣли введены были въ акты христіанскаго богослуженія, въ томъ числѣ и въ чинѣ крещенія, новыя дѣйствія, которымъ при этомъ придавалось и сообразное съ духомъ христіанства внутреннее значеніе.

Для подтвержденія всего сказаннаго въ данномъ случаѣ достаточно припомнить характеръ исповѣданія вѣры въ IV—V. вв., обрядъ введенія въ церковь, какъ его описываетъ *Григорій Назіанзенъ*, время крещенія и мѣсто крещенія въ

это время и т. д., а предъ нами вполне представеть справедливость той нашей мысли, что въ эту эпоху явились и новые обряды при крещеніи и вмѣстѣ съ тѣмъ уже существовавшіе акты съ своей внѣшней стороны получили весьма широкое развитіе и въ высшей степени торжественную обстановку. Если мы припомнимъ здѣсь все сказанное нами за IV и V вв. о чинопослѣдованіи крещенія, въ широкомъ значеніи послѣдняго слова, припомнимъ при этомъ кое что изъ сказаннаго нами относительно предметовъ тѣсно связанныхъ съ крещальнымъ актомъ,—то невольно должны сознаться, что въ это время чинъ крещенія представлялъ собою въ высшей степени торжественный и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма обширный и многосложный актъ.

Мы сказали, что указанное противодѣйствіе язычества было его послѣднею, судорожною попыткою противъ христіанства, было, такъ сказать, его предсмертною агоніею. Правда, въ числѣ своихъ послѣдователей оно долго было еще сильно, но въ сущности своей—оно умерло еще въ V вѣкѣ. Понятно поэтому, и окончательное противодѣйствіе его христіанству—не могло продолжаться долго и уже въ концѣ V вѣка совершенно замерло. — Съ паденіемъ язычества, можно сказать, устранилось одно изъ важныхъ побужденій въ развитію великолѣпія обстановки въ чинопослѣдованіи крещенія. Вмѣстѣ съ этимъ остановилось и самое развитіе литургической стороны крещенія. Съ VI вѣка мы начинаемъ замѣчать постепенно суживаніе внѣшняго объема чина крещенія. На такой фактъ въ особенности много повліялъ вошедшій около этого времени въ силу и всеобщую практику обычай крещенія младенцевъ. По нашему мнѣнію, которое мы не разъ высказывали на страницахъ самаго изслѣдованія, этотъ обычай имѣлъ весьма огромное значеніе въ исторіи крещальнаго чина; онъ составилъ собою весьма важную эпоху, съ которой начинается поворотъ во внѣшнемъ состояніи этого чина. Это вліаніе отразилось на крещальномъ чинѣ какъ со стороны внѣшняго характера самаго чина, такъ и со стороны фактовъ, тѣсно связанныхъ съ нимъ. Въ первомъ случаѣ оно выразилось въ томъ, что чинъ крещенія, торжественный и широкій прежде, мало по малу дѣлался болѣе и болѣе обыденнымъ актомъ, постепенно суживался въ своихъ предѣлахъ. Для доказательства стонть только сравнить крещальный чинъ въ IV и V вв. съ крещаль-

щальнымъ чиномъ VIII вѣва. Такого переворота въ данномъ случаѣ весьма естественно было ожидать. Торжественность, которая служитъ характерною, отличительною чертою крещальнаго чина IV и V вв. была, можно сказать, не только естественна, но даже необходима при крещеніи возрастныхъ лицъ, какъ лицъ, сознательно принимавшихъ таинство; но она дѣлалась до вѣкоторой степени излишнею при крещеніи младенцевъ. Въ силу этого, естественно, чинъ крещенія съ теченіемъ времени, по мѣрѣ отдаленія отъ IV и V вѣковъ, долженъ былъ становиться проще.

Это развитіе простоты въ крещальномъ чинѣ само собою вызвало въ свою очередь, начиная съ VI вѣка, постепенное суженіе крещальнаго чина, постепенное сокращеніе его растянутости. Говоря такимъ образомъ, мы не имѣемъ въ виду высказать то, что изъ чина крещенія постепенно стали выпадать вѣкоторые самостоятельныя и отдѣльныя составныя элементы. Этого не могло быть, потому что во всѣ позднѣйшіе вѣка церковь въ богослужбной практикѣ всегда руководилась практикою предыдущихъ вѣковъ. Своими словами мы только указываемъ на тотъ фактъ, что съ этого именно времени отдѣльныя составныя части крещальнаго чина мало по малу начинаютъ суживаться въ своемъ совершеніи, стали дѣлаться короче и стали входить въ болѣе тѣсную связь между собою, благодаря чему и цѣлый чинъ крещенія сдѣлался короче.

Для подтвержденія этого обратимъ вниманіе, напрямѣрь, на чинъ оглашенія, собственно, на обрядовую сторону этого акта. Въ періодъ крещенія возрастныхъ, какъ мы могли видѣть, этотъ чинъ занималъ весьма значительный промежутокъ времени; чинъ принятія въ оглашенные въ это время нерѣдко годами цѣлыми отдѣлялся отъ самаго оглашенія, какъ обрядоваго акта. Заклинанія, составляющія существенный актъ огласительнаго обряда, продолжались иногда весьма долго и болѣею частью не менѣе двадцати дней. Но съ водвореніемъ обычая крещенія младенцевъ всѣ эти акты сдвоились въ одинъ почти-что неразрывный актъ, совершавшійся (покрайней мѣрѣ на практикѣ) въ одинъ день. — По-нѣтну, такое сокращеніе объема крещальнаго чина въ его цѣломъ видѣ явилось не вдругъ, а постепенно и входило въ силу тѣмъ скорѣе, чѣмъ теченіе времени болѣе и болѣе отходило отъ эпохи IV и V вѣковъ.

Что касается до вліянія обычая крещенія младенцевъ по отношенію къ фактамъ, связаннымъ съ крещальнымъ актомъ, то и въ данномъ случаѣ по своему характеру оно сходно съ вліаніемъ, оказаннымъ въ первомъ случаѣ, и состояло именно въ томъ, что совершеніе крещенія, благодаря обычаю крещенія младенцевъ, сдѣлалось во всякомъ отношеніи болѣе свободнымъ. Въ эпоху крещенія взрослыхъ лицъ совершеніе крещенія, если не исключительно было дѣломъ епископовъ и пресвитеровъ, — то по крайней мѣрѣ весьма рѣдко дозволялось, не говоря уже мірянамъ, но даже низшимъ членамъ клира. Со всеобщимъ же введеніемъ обычая крещенія дѣтей мы видимъ въ этомъ отношеніи постепенное ослабленіе церковной практики, въ силу именно этого обычая. Далѣе, въ эпоху крещенія взрослыхъ, отчасти для большей торжественности, отчасти по другимъ важнымъ причинамъ, указаннымъ нами выше, совершеніе крещенія стояло въ тѣсной связи съ извѣстнымъ мѣстомъ и съ извѣстнымъ временемъ. Съ практикою же крещенія дѣтей мы видимъ значительное ослабленіе связи въ первомъ случаѣ и почти совершенное уничтоженіе — во второмъ.

Такимъ образомъ, въ отношеніи къ своему внѣшнему развитію, начиная съ VI вѣка, благодаря водворенію всеобщей практики крещенія дѣтей, чинъ крещенія, при сохраненіи элементовъ, введенныхъ въ него предшествующею практикою, начинаетъ постепенно суживаться, дѣлаться короче. Что же касается до введенія новыхъ элементовъ, то хотя начиная съ этого именно времени, т. е. съ VI вѣка, процессъ этотъ становится весьма медленнымъ, однако онъ не прекратился не только въ древній періодъ церкви (т. е., по крайней мѣрѣ до IX вѣка), но и позднѣе. Тѣ или другія обстоятельства, даже далеко, далеко поздне, — невольно вызвали церковь на новое внѣшнее усложненіе чина крещенія. Такъ, напримѣръ, уже около XVI-го вѣка церковь нашлась вынужденною привести въ чинъ крещенія чтенія апостола и евангелія, каковой фактъ былъ вызванъ тѣмъ обстоятельствомъ, что совершеніе крещенія, стоявшее въ практикѣ ранняго времени въ тѣсной связи съ совершеніемъ литургіи, почему нужды въ чтеніи евангелія и апостола не предстояло, — въ поздней церковной практикѣ стало совершаться отдѣльно. Въ силу обстоятельствъ времени, добавимъ при этомъ, очевидно, что и въ будущемъ въ чинѣ креще-

нія, очень естественно, будутъ привноситься тѣ или другіе новые акты.

Итакъ, будучи весьма простымъ, весьма несложнымъ актомъ въ апостольское время, крещальный чинъ съ теченіемъ времени, начиная съ древнѣйшихъ вѣковъ и до самаго позднѣйшаго времени, подъ влияніемъ и побужденіемъ разнообразныхъ условій постепенно расширялся и осложнялся новыми актами. Почему же подъ влияніемъ тѣхъ или другихъ, уже указанныхъ, чисто внѣшнихъ условій въ крещальный чинъ постепенно входили тѣ именно обряды, а не какіе либо другіе? Гдѣ искать причины избранія для пополненія этого чина въ томъ или другомъ отношеніи тѣми именно обрядами и актами, какіе мы видѣли и видимъ въ немъ? При своемъ историческомъ обзорѣни крещальнаго чина,—мы, если не всегда, то въ большинствѣ случаевъ, какъ можно припомнить давали болѣе или менѣе обоснованный и, притомъ, въ одномъ направленіи отвѣтъ на подобный вопросъ въ приложеніи его къ каждому составному акту крещальнаго чина въ отдѣльности. Такимъ образомъ, намъ остается теперь только дать въ данномъ случаѣ общій отвѣтъ. Для этого припомнимъ прежде всего почему въ крещальномъ актѣ существенною формою его было избрано именно омовеніе водою, а не что либо другое? Въ рѣшеніи этого вопроса мы пришли къ такому заключенію, что омовеніе водою, какъ существенная форма крещенія, было избрано потому, что оно представляется самымъ естественнымъ символомъ для обозначенія благодати очищенія и возрожденія, преподаваемой въ крещеніи. Сообразно съ этимъ и происхожденіе всѣхъ другихъ актовъ въ крещальномъ чинѣ, появленіе въ немъ именно ихъ, а не другихъ, мы объясняемъ,—именно ихъ цѣлесообразностію. Такъ, напримеръ, наставленіе въ крещальномъ актѣ является благодаря естественной необходимости напередъ знать сущность принимаемой религіи; отреченіе отъ діавола и сочтаніе Христу—вслѣдствіе моральной необходимости, отречься отъ стараго религіознаго міросозерцанія при принятіи новаго; заклинанія—вслѣдствіе того сознанія, что до принятія крещенія человекъ находился подъ властью діавола; хожденіе кругомъ, возженіе свѣчъ, надѣваніе бѣлыхъ одеждъ, по общему поверженію—символы радости, употребленіе которыхъ весьма естественно при принятіи крещенія испытывающаго ра-

доть,—и т. д. — Даже тѣ обряды, которые мы видѣли въ древней церковной практикѣ мѣстно существующими и притомъ въ непродолжительномъ періодѣ времени и которые были вовсе случайными,—и тѣ появлялись въ крещальномъ чинѣ на томъ же основаніи. Такъ, напримѣръ, употребленіе молока и меда, бывшее при крещеніи во II и III вв., основывалось на томъ же фактѣ. Приходя къ такому рѣшенію поставленнаго нами вопроса, добавимъ, мы очевидно не допускаемъ въ чинѣ крещенія ни одного акта, который былъ бы преднамѣренно заимствованнымъ изъ того или другаго культа язычества и напротивъ признаемъ, что всѣ составные акты этого чина явились въ немъ, въ силу естественной необходимости и внутренней своей цѣлесообразности.

Въ заключеніе общаго обзорѣнія внѣшняго развитія чина крещенія намъ остается дать отвѣтъ еще на слѣдующій вопросъ. Мы прослѣдили внѣшнее развитіе крещальнаго чина, начиная съ момента его возникновенія и до настоящаго времени; мы видѣли, при этомъ, изъ какихъ элементовъ слагался этотъ чинъ въ практикѣ первенствующей церкви, въ практикѣ времени близкаго къ намъ и, наконецъ, составъ его въ современной практикѣ. Послѣ всего этого спрашивается: въ какомъ же отношеніи со стороны своего состава современный крещальный чинъ стоитъ къ древнему крещальному чину. Не входя въ данномъ случаѣ въ подробности, мы отвѣтимъ на это коротко и именно, что, восточная церковь, совершая крещеніе, и въ рассматриваемомъ нами отношеніи доселѣ строго слѣдуетъ практикѣ древней церкви; конечно, нѣкоторые частные обряды при дальнѣйшемъ развитіи церковной дисциплины были поименны или оставлены, какъ напр., подаваніе новокрещенному молока и меда; но вообще чинъ крещенія первыхъ вѣковъ сходенъ съ крещеніемъ настоящаго времени, и сходенъ,—добавимъ мы,—не только въ существенныхъ, главныхъ актахъ,—но даже и въ незначительныхъ частностяхъ ⁽¹⁾.

Резюмируя все сказанное нами въ этомъ общемъ обзорѣніи внѣшней исторіи чинопослѣдованія крещенія, сказанное на основаніи всего предыдущаго изложенія, мы при-

(1) Ср. Дух. Бес. 1873 г. Т. I, стр. 364.

ходимъ къ слѣдующимъ главнымъ положеніямъ: 1) Всѣ составные акты крещальнаго чина, начиная съ его существенной формы, — омовенія водою, — обязаны своимъ появленіемъ въ немъ общему возрѣнію на нихъ, какъ на вполне умѣстные по своему внутреннему смыслу и значенію при такомъ актѣ, каковымъ представляется крещеніе, и потому вошли въ составъ его, такъ сказать, въ силу естественной необходимости. 2) Полнаго развитія своей внѣшней стороны чинъ крещенія достигъ въ IV—V вѣкахъ, причемъ, однако, это развитіе чрезъ привнесеніе уже несущественныхъ актовъ, продолжалось послѣ и можетъ продолжаться впредь по требованію обстоятельствъ. 3) Главными внѣшними факторами развитія количественной стороны чина крещенія, съ одной стороны, были внѣшнія отношенія христіанства—противодѣйствіе язычеству съ другой внутренней—развитіе до извѣстной степени теоретической стороны христіанства. 4) Съ VI вѣка чинъ крещенія, достигшій въ IV и V вѣкахъ полнаго величія, начинаетъ суживаться и дѣлаться проще. Главнымъ факторомъ въ данномъ случаѣ было введеніе во всеобщую практику крещенія дѣтей. 5) Современный чинъ крещенія православной церкви съ своей количественной стороны, за малѣйшими различіями, вполне сходенъ съ чинномъ первенствующей церкви, и именно съ чинномъ первыхъ четырехъ вѣковъ.

Переходимъ теперь къ общему обзорѣню внутренняго развитія крещальнаго чина. Мы сказали, что подъ этимъ развитіемъ мы разумѣемъ историческое движеніе чина крещенія въ упорядоченія его составныхъ частей и въ устойчивости формы совершенія этихъ частей. Какъ относительно внѣшняго развитія чина крещенія во время апостоловъ и въ эпоху мужей апостольскихъ, можно сказать, что оно было еще въ зачаточномъ состояніи, такъ и относительно внутренняго развитія въ первомъ егб значеніи нужно сказать тоже самое.

Правда, прямыхъ свидѣтельствъ къ такому заключенію мы не имѣемъ. Памятники и апостольской эпохи и времени, непосредственно слѣдующаго за ней, не представляютъ намъ въ какихъ либо мѣстахъ такихъ историческихъ данныхъ о крещеніи, гдѣ бы излагался порядокъ составныхъ элементовъ его чиннопослѣдованія. Но большей части свѣдѣнія о послѣднихъ, дошедшія до насъ отъ этого времени, отрывчны.

Несомненно впрочем, что за это время церковь не имела еще причинъ обращать особенное вниманіе на упорядоченіе составныхъ частей крещальнаго чина. Неспорно, конечно, что внутреннее развитіе въ данномъ отношеніи должно было идти рука объ руку съ развитіемъ внѣшнимъ. Но послѣднее за рассматриваемое нами время было слишкомъ слабо. Цѣлое крещальное чинопослѣдованіе этого времени состояло, какъ мы могли видѣть, изъ необходимыхъ только, существенныхъ элементовъ, которые притомъ входили въ чинъ въ самомъ простомъ, элементарномъ видѣ. Отсюда очевидно, что въ рассматриваемую нами эпоху и упорядочивать было нечего, потому что необходимость этого факта можетъ возникнуть только при большей сложности извѣстнаго чина, когда въ него, кромѣ главныхъ существенныхъ составныхъ элементовъ, входятъ еще элементы, хотя имѣющіе особую санкцію, но приввошедшіе единственно для торжественности чина, и потому занявшіе въ немъ второстепенное, а нерѣдко и меньшее того значеніе.

Относительно II и III вѣковъ нужно сказать почти тоже самое. За это время мы имѣемъ прямыя фактическія данныя, которыя говорятъ намъ, что до единообразія въ порядкѣ крещальнаго чина было еще далеко. Достаточно при этомъ припомнить то обстоятельство, что заклинательный элементъ, въ какой бы формѣ въ извѣстныхъ церквахъ въ это время опъ ни проявлялся, — въ различныхъ церквахъ поставлялся въ то время въ различномъ мѣстѣ относительно порядка цѣлаго чина крещенія. Условія, вызывавшія на это, были тѣже.

Однако, нельзя сказать, чтобы въ данное время былъ совершенный застой внутренняго развитія крещальнаго чина. Присматриваясь къ внутреннему состоянію послѣдняго за этотъ періодъ церкви вообще и особенно за III вѣкъ, не трудно видѣть, что развитіе его съ внутренней стороны во взятомъ нами отношеніи значительно двинулось впередъ. Значительно осложнившійся за это время, особенно со стороны бывшихъ уже элементовъ, крещальный чинъ представляетъ во всѣхъ церквахъ чинъ болѣе или менѣе одного порядка, при чемъ главные элементы повсюду располагаются болѣе или менѣе въ одной и той же послѣдовательности, а элементы второстепеннаго значенія довольно цѣлесообразно группируются вокругъ послѣднихъ. Такой фактъ не пред-

ставляетъ ничего не естественнаго. Постепенное осложненіе само собою вызывало и желаніе пастырей церкви мало по малу располагать приходящія дѣйствія и элементы въ известномъ болѣе или менѣе устойчивомъ порядкѣ. Но главнымъ образомъ, основнымъ мотивомъ, побуждавшимъ къ этому, кажется, было слѣдующее обстоятельство. Уже во II вѣкѣ не мало появлялось еретиковъ; третій вѣкъ представляетъ еще болѣе безотрадное явленіе въ этомъ отношеніи. Это время едвали не богаче остальныхъ вѣковъ множествомъ разнообразныхъ еретическихъ общинъ. Отдѣляясь отъ церкви, вслѣдствіе разногласія съ нею въ своемъ теоретическомъ ученіи, еретики въ тоже время входили въ разногласіе и въ практическомъ отношеніи, со стороны богослуженія, въ силу того, что послѣднее служить отображеніемъ перваго. Благодаря этому обстоятельству, православная церковь, естественно, должна была стремиться къ однообразію совершенія чина крещенія и со стороны порядка; въ противномъ случаѣ она невольна могла бы увеличить число, если не еретиковъ, то, по крайней мѣрѣ, раскольниковъ. Что сами предстоители церкви смотрѣли на появленіе еретиковъ, какъ на поводъ къ упорядоченію богослуженія вообще, въ подтвержденіе мы можемъ сослаться на не разъ приводимыя нами слова Тертуліана, гдѣ строгое благоустройство христіанскаго богослуженія онъ противопоставляетъ безпорядочности богослуженія еретиковъ ⁽¹⁾.

Но если когда, то главнымъ образомъ упорядоченность чина крещенія совершилась въ IV и особенно въ V вѣкахъ. Въ этотъ періодъ и именно къ концу его распорядокъ со-

⁽¹⁾ Нельзя не привести здѣсь замѣчанія одного историка, который говоритъ о гностицизмѣ: «Подобно другимъ ересямъ, онъ оказалъ ту услугу, что заставилъ ревнителей православія мыслить глубже и защищать основательнѣе истинное ученіе». (*Робертсонъ*, «Истор. хр. церкви», кн. I, пер. Матвѣева. М. 1878 г., стр. 59). Согласно этому взгляду, очевидно, ереси вызывали развитіе теоретической стороны христіанства, но это въ свою очередь невольна вызывало и внутреннее развитіе его практической стороны.

ставныхъ элементовъ крещенія, смѣло можно сказать, должно считать замоченнымъ. Для доказательства нужно только сравнить порядокъ чинослѣдованія крещенія въ V вѣкѣ съ тѣмъ же самымъ въ VIII вѣкѣ и въ настоящее время. Во всѣ эти эпохи, какъ мы могли замѣтить выше, порядокъ былъ приблизительно одинаковъ. Такой фактъ долженъ былъ обязательно осуществиться въ это именно время. Этому способствовали и внутреннее состояніе церкви и вмѣстѣ съ тѣмъ и внѣшнія обстоятельства. Церковь къ этому времени, какъ уже имѣли мы случай замѣтить, обратила особенное свое вниманіе на внутреннее свое благоустройство, и между прочимъ на благоустройство богослуженія, — этого внѣшняго проявленія своей внутренней сущности. Обстоятельства внѣшнія, какъ нельзя болѣе, гармонировали съ этимъ фактомъ. Какъ уже замѣчено нами, для поддержанія падающаго своего культа, язычество прибѣгло въ это время къ послѣднему средству — къ развитію и упорядоченію обрядовой стороны своего богослуженія. Къ этому же средству прибѣгали и еретики того времени. Понятно, и церковь, такъ сказать, невольно должна была упрочить благоустройство своего богослуженія вообще, что, конечно, не могло не отразиться и на чинѣ крещенія. И этотъ порядокъ, благодаря тому обстоятельству, что единство въ теоретическомъ ученіи, къ чему церковь стремилась всѣми силами, — должно вызвать единство и въ практической сторонѣ культа, — она должна была сдѣлать по возможности однообразнымъ для всѣхъ церквей. Разнообразіе въ обрядовой сторонѣ, въ какой бы формѣ оно не проявлялось, конечно, не могло ужиться съ безусловнымъ единствомъ положеній вѣры. Что вообще церковь съ даннаго времени стремилась къ однообразію въ своемъ практическомъ ученіи, — откуда мы можемъ тоже самое сказать и относительно совершенія чина крещенія, — это можно даже подтвердить историческими фактами. Извѣстно, наиримѣръ, что I вселенскій соборъ относительно времени празднованія Пасхи счелъ необходимо нужнымъ прекратить однажды на всегда разногласіе и въ своихъ постановленіяхъ съ рѣшительною настойчивостію требовалъ, чтобы день этого празднованія содержался всѣми и повсюду неизмѣнно одинаково. Согласно съ этимъ соборъ Антиохійскій (341 г.) постановилъ: „кто рѣшится измѣнить узаконенное о Пасхѣ преданіе (въ разсматриваемомъ нами отношеніи) — если мирянинъ, да изри-

вется, а если причетникъ, да извержется“ (1). И дальнейшая практика церкви показываетъ, что она считала тѣхъ еретиками, кто поступалъ вопреки этому соборному опредѣленію относительно времени Пасхи и принимала ихъ въ общеніе съ церковію не иначе, какъ чрезъ таинство миропомазанія (2).

Но говоря, что около V вѣка чинъ крещенія, со стороны порядка его составныхъ частей, достигъ полнаго развитія, мы, какъ въ подобномъ же случаѣ и при изложеніи общаго обзорнѣя внѣшняго развитія, вовсе не хотимъ сказать того, что этотъ порядокъ, какъ онъ составилъ въ V вѣкѣ, такъ и остался буквально неизмѣннымъ во всѣ слѣдующіе вѣка существованія крещальнаго чина. Мы хотимъ этимъ сказать только то, что въ V вѣкѣ упорядоченіе составныхъ элементовъ крещальнаго чина вполнѣ достигло того вида, въ какомъ мы находимъ этотъ порядокъ въ современной крещальной практикѣ. А что же касается до періода промежуточнаго между двумя этими эпохами, — то въ этомъ случаѣ нужно сказать другое

Правда, всѣ существенные элементы, вошедшіе въ крещальный чинъ въ практикѣ еще первенствующей церкви и возникшіе въ крещальномъ чинѣ въ силу своего внутренняго значенія и, такъ сказать, по естественному требованію акта крещенія, эти элементы, какъ мы могли замѣтить, всегда располагались въ томъ именно порядкѣ, въ какомъ мы видимъ это въ практикѣ древней церкви. Но въ данномъ случаѣ иначе и быть не могло. Это расположеніе явилось отчасти, какъ отображеніе порядка психическихъ состояній въ душѣ принимающаго таинство; послѣдній же порядокъ всегда есть одинъ и тотъ же, и потому несообразность перестановки существенныхъ крещальныхъ актовъ всегда давала себя чувствовать. Благодаря этому-то мы и видимъ порядокъ главныхъ составныхъ актовъ крещальнаго чина, всегда неизмѣннымъ не только въ православной церкви, но даже въ

(1) *Συντάγμα καν. Ραλλη και Ποτλη*. Том. Ш. Аѳин. 1853 г., pag. 123. *Ιωανν.* «Опытъ курса церков. законовъ». Ч. 1, стр. 387.

(2) Ср. *Λοδικ. соб. прав.* 7; *И Вселен. соб. прав.* 7; *VI Всел. соб. прав.* 95.

церквахъ другихъ христіанскихъ исповѣданій, — неизмѣннымъ во все время существованія крещальнаго чина, отъ момента его возникновенія и до настоящаго времени.

Совсѣмъ не то мы видимъ въ данномъ случаѣ относительно второстепенныхъ актовъ крещальнаго чина, явившихся въ послѣднемъ не столько въ силу необходимости, а болѣе какъ бы случайныхъ актовъ, могущихъ быть въ крещальномъ чинѣ и безъ всякаго ущерба для него не быть въ немъ, какъ не поставленныхъ въ тѣсной внутренней связи съ внутреннимъ значеніемъ крещенія для принимающаго это таинство. Въ періодъ существованія крещальнаго чина съ VI вѣка и самое меньшее до половины XVII вѣка, и въ греческой церкви, а тѣмъ болѣе въ русской, мы весьма не рѣдко замѣчаемъ перестановку тѣхъ или другихъ изъ этихъ элементовъ. Для примѣра достаточно припомнить здѣсь исторію совершенія въ русской церкви акта постриженія, произнесенія эктени, полагающейся въ концѣ крещальнаго чина, исторію акта воцерковленія и т. д. и т. д. Такая неустойчивость порядка крещальнаго чина въ отношеніи къ второстепеннымъ актамъ весьма естественна въ данномъ случаѣ въ силу меньшаго значенія этихъ актовъ. Благодаря этому, перестановка ихъ въ цѣломъ чинѣ не рѣдко давала знать о себѣ и не нарушала стройности и гармоніи чина, какъ цѣлаго законченнаго акта.

Впрочемъ, говоря такъ, мы указываемъ только внутреннее условіе, въ силу котораго могла осуществляться неустойчивость порядка второстепенныхъ элементовъ чина крещенія. Въ чемъ же искать въ данномъ случаѣ внѣшнее условіе? Отвѣтъ на этотъ вопросъ по отношенію къ греческой церкви, кажется, долженъ быть таковъ: Восточная церковь, при всемъ единеніи, издревле распадалась, по крайней мѣрѣ, на четыре главныя церкви (Александрійскую, Антиохійскую, Іерусалимскую и Палестинскую). Уже это одно прямо говоритъ за то, что письменной однообразной редакціи крещальнаго чина, а отсюда буквально однообразнаго его порядка въ послѣдующей практикѣ всюду на востокѣ, — никакъ не могло быть. Но это тѣмъ болѣе повятно, если мы припомнимъ, что до появленія письменныхъ изложеній крещальнаго чина, — когда церковь въ совершеніи крещенія руководилась преданіемъ, — въ этомъ совершеніи въ различныхъ церквахъ, особенно далеко другъ отъ друга отдаленныхъ, немыслимо

должны были быть свои особенности и со стороны порядка частностей. Это съ одной стороны; съ другой,—первая письменная редакція крещальнаго чина не могла быть единичною и по всей вѣроятности, она появилась въ разныхъ мѣстахъ, а поэтому сразу стало существовать нѣсколько редакцій. Что такъ дѣйствительно и было, это доказываютъ уже самые древніе извѣстные теперь крещальные чины (какъ напримѣръ VIII—IX в.), которые оказываются различныхъ редакцій. Водворить же всюду однообразную редакцію при древнемъ способѣ появленія книгъ, т. е., чрезъ списыванье одного экземпляра, можно сказать, было дѣломъ не возможнымъ; это могло случиться только съ развитіемъ книгопечатанія, какъ и доказало послѣднее время.

Что касается до разнообразія порядка въ разсматриваемомъ нами случаѣ въ практикѣ русской церкви, то, насколько можно видѣть изъ нашего изслѣдованія, главнымъ образомъ оно объясняется тѣмъ же самымъ явленіемъ въ практикѣ греческой церкви. Справедливость такого объясненія вполне очевидна изъ того факта, что нѣкоторыя рукописныя славяно-русскія редакціи крещальнаго чина, различныя со стороны порядка незначительныхъ составныхъ актовъ, находятъ для себя вполне вѣрные первообразы въ греческихъ рукописныхъ чинахъ. Однако, говоря такимъ образомъ, мы далеки отъ того взгляда, что будто бы все разнообразіе порядка русскаго богослуженія вообще и крещальнаго чина въ частности всецѣлю находится въ зависимости отъ того же самаго факта въ практикѣ греческой церкви. Наше изслѣдованіе вполне ясно показало, что славяно-русскіе чины крещенія и миропомазанія со стороны своего порядка представляютъ разнообразіе далеко больше, чѣмъ греческіе чины того же рода. Поэтому то, признавая главнымъ условіемъ разнообразія порядка крещальнаго чина въ русской церкви тотъ же самый фактъ въ практикѣ греческой церкви, мы вмѣстѣ съ тѣмъ считаемъ вполне справедливымъ думать, что въ нѣкоторой части это разнообразіе есть явленіе самобытное въ практикѣ русской церкви. Правда, намъ могутъ возразить, что при большемъ знакомствѣ съ греческими богослужебными памятниками всѣ тѣ особенности въ порядкѣ древняго славяно-русскаго крещальнаго чина, которые не находятъ для себя оригинала въ извѣстныхъ теперь греческихъ спискахъ чина крещенія, — могутъ оказаться въ послѣднихъ. Но такое предположеніе нис-

сколько не говоритъ противъ нашего мнѣнія. Если, какъ мы могли замѣтить выше, въ исторіи русской крещальной практики бывали неоспоримо самобытныя отступленія въ другихъ отношеніяхъ, то эту самобытность мы имѣемъ полное право утверждать и въ отступленіяхъ ея въ отношеніи къ порядку крещальнаго чина, коль скоро мы не видимъ для нихъ оригинала въ греческой практикѣ.

Что служило поводомъ въ этимъ самобытнымъ отступленіямъ — опредѣлить съ полною достовѣрностію очень трудно. Однако согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ что будто бы источникомъ разсматриваемаго факта нужно считать просто ни на чемъ неоснованный „произволь русскіхъ писцовъ“ (1) было бы не основательно. — Скорѣе всего нужно думать, что въ данномъ случаѣ дѣло бывало такимъ образомъ. Писцы при перепискѣ крещальнаго чина весьма нерѣдко встрѣчались съ различными его редакціями, имѣвшими своимъ оригиналомъ различныя греческія редакціи. Естественно, что при такихъ случаяхъ у нихъ являлось стремленіе въ своемъ спискѣ примирить встрѣтившіяся имъ противорѣчія и разности. Отсюда, очевидно, въ новомъ спискѣ могла явиться и незначительная перестановка, крещальныхъ актовъ, особенно если въ немъ вносился въ крещальный чинъ какой-либо новый актъ, отсутствовавшій въ редакціи, бывшей для него оригиналомъ. Право для такого свободнаго образа дѣйствій русскіе писцы могли вполне видѣть для себя въ томъ разнообразіи редакцій крещальнаго чина, какое у нихъ было предъ глазами и какое на первыхъ порахъ русской практики, какъ имѣвшее для себя аналогичное явленіе въ практикѣ греческой церкви, — не встрѣчало возраженій со стороны представителей русской іерархіи. За вѣроятность такого объясненія, кажется, достаточно вѣско говоритъ тотъ фактъ, что чѣмъ полнѣе славяно-русскіе чины и чѣмъ ближе они по своему происхожденію, къ началу XVII вѣка, тѣмъ болѣе мы встрѣчаемъ въ нихъ самобытныхъ особенностей въ отношеніи къ порядку крещальнаго чина. При такомъ объясненіи, добавимъ, нисколько не долженъ казаться страннымъ тотъ фактъ, что иногда въ русскіхъ крещальныхъ

(1) Душен. Чт. 1878 г., Январь, стр. 73.

чинахъ мы встрѣчаемъ перестановку актовъ не вполне целесообразную. Это, очень естественно, могло случиться благодаря тому общеизвѣстному факту, что писцами весьма не рѣдко бывали люди простые, съ скудными познаніями въ области богослуженія. Впрочемъ, подобные факты иногда могутъ быть и объяснены просто опискою писцевъ, допущенною по небрежности (¹).

Въ настоящее время, замѣтимъ наконецъ, разсматриваемую сторону внутренняго развитія чина крещенія едва ли нельзя считать законченною. Правда, порядокъ можетъ измѣниться въ послѣдованіи нѣкоторыхъ незначительныхъ актовъ, но не черезъ нихъ самихъ, а чрезъ привнесеніе въ чинъ крещенія какихъ либо новыхъ актовъ, новыхъ обрядовъ.

Мы сказали только относительно одной стороны внутренняго развитія крещальнаго чина,—это относительно постепеннаго стремленія церкви къ упорядоченію его составныхъ частей. Теперь намъ остается остановиться на обзорѣи другой стороны этого развитія,—это на обзорѣи устойчивости составныхъ актовъ въ ихъ совершеніи.

Крещеніе, какъ таинство, есть видимый актъ, внутреннею силою освящающій человѣка. Отсюда же понятно, что оно въ своемъ обнаруженіи должно слагаться изъ актовъ двухъ видовъ: объективныхъ (напр. формула, заклинанія и проч.) и субъективныхъ (напр. отреченіе и сочетаніе, исповѣданіе вѣры и проч.). Приступая теперь къ обзорѣи внутренняго развитія крещальнаго чина въ отношеніи къ устойчивости составныхъ его элементовъ,—мы, очевидно, должны представить обзорѣи устойчивости актовъ того и другаго рода. Но дѣлать обзорѣи устойчивости крещальныхъ актовъ каждаго вида въ отдѣльности,—было бы излишне, потому что развитіе устойчивости и объективныхъ актовъ и субъективныхъ шло почти что параллельно.

Понятно, вмѣстѣ съ возникновеніемъ таинства крещенія, вмѣстѣ съ первымъ его совершеніемъ въ апостольскую эпоху, въ этомъ актѣ, какъ актѣ литургическомъ и сакраментальномъ, тотчасъ же получили мѣсто элементы и объ-

(¹) Ср. Знаменскій. «Руков. къ истор. русск. церкви». Казань, 1870 г. стр. 109.

ективного и субъективного характера. Какъ совершались тѣ и другіе,—это мы уже отчасти видѣли и на основаніи соображеній и на основаніи данныхъ историческихъ.

Но понятно вмѣстѣ съ тѣмъ, что о стремленіи къ устойчивости въ совершеніи этихъ актовъ въ эпоху апостоловъ не можетъ быть рѣчи. У апостоловъ не могло возникнуть вопроса касательно этого предмета. Крещеніе во времена апостоловъ только что получило свое начало. Естественно поэтому, что этотъ актъ, какъ имѣющій развиться въ будущемъ и какъ только получившій существованіе, въ эпоху апостоловъ, былъ актомъ, который получилъ содержаніе, но не имѣлъ еще во всѣхъ своихъ частяхъ строго опредѣленной формы. Образование прочной устойчивой формы совершенія не только акта крещенія, но и всего богослуженія, апостолами представлено было теченію времени. Это доказывается тою свободою всего богослуженія, которая служитъ характерною чертою богослуженія апостольскаго времени.

Эпоха мужей апостольскихъ, а за тѣмъ и весь II-й вѣкъ, по отношенію къ христіанскому богослуженію вообще были также временемъ свободы апостольскаго времени. Очевидно поэтому, что и это время, по отношенію къ разсматриваемому нами развитію крещальнаго акта,—было вѣкомъ безъ движенія; но уже съ самаго начала III вѣка отношеніе папствей церкви къ христіанскому богослуженію рѣзко измѣняется. Та свобода, которая составляла достоинствѣ богослуженія прежняго времени, мало по малу, получала ограниченіе. Въ силу этого обстоятельства въ настоящемъ вѣкѣ мы (хотя и мало) имѣемъ предъ глазами явныя предписанія касательно того или другаго акта христіанскаго богослуженія. Это явленіе не могло пройти мимо такого важнаго акта христіанскаго богослуженія, какъ актъ крещенія; мало того, относительно этого акта въ данное время, даже едва ли не болѣе чѣмъ какого другаго, сохранилось предписаній въ памятникахъ христіанской литературы III вѣка (въ „Апостольскихъ Постановленіяхъ“, у *Кипріяна*, *Ипполита*, *Тертуліана*, *Оригена* и др.). Все это значитъ, что въ разсматриваемое время былъ сдѣланъ первый и большой шагъ къ упроченію образа совершенія того или другаго крещальнаго акта. Такимъ образомъ, внутреннее развитіе крещальнаго чина въ разсматри-

ваемомъ нами отношеніи въ III вѣкѣ двинулось впередъ. Чѣмъ объяснить этотъ фактъ,—видѣть не трудно.

Какъ мы видѣли выше, въ это время и внѣшняя сторона крещальнаго чина получила довольно широкое развитіе, но если развито содержаніе крещальнаго чина, то, естественно, за этимъ содержаніемъ надо было упрочивать ту или другую форму. Такимъ образомъ, устойчивость совершенія крещальныхъ актовъ вызывалась сама собою. Но это еще не было главнымъ условіемъ въ данномъ случаѣ. Такое условіе, само по себѣ, какъ положительное, да притомъ еще только возникшее, не могло вызвать тѣхъ предписаній, на которыя мы указали выше. По нашему мнѣнію, первымъ условіемъ здѣсь, какъ и при движеніи первой стороны внутренняго развитія,—было развитіе ересей. Что это дѣйствительно такъ,—доказать весьма легко.

Мы сказали, что выраженіемъ стремленія церкви къ устойчивости крещальныхъ актовъ въ разсматриваемомъ нами отношеніи служатъ опредѣленія касательно совершенія этихъ актовъ. Но всматриваясь въ эти предписанія, не трудно видѣть, что всѣ они направлены къ совершенію крещальныхъ актовъ съ объективнымъ характеромъ; совершеніе же актовъ субъективнаго характера еще не обращало на себя вниманія церкви. Это же въ свою очередь указываетъ на тотъ фактъ, что въ разсматриваемое нами время въ крещальномъ чинѣ стала развиваться устойчивость только актовъ перваго характера. Но это все и доказываетъ намъ, что главнымъ двигателемъ въ данномъ случаѣ было появленіе ересей. Почти всѣ еретики, отдѣляясь отъ церкви, какъ извѣстно, удерживали у себя крещеніе, но при этомъ всегда искажали совершеніе объективныхъ элементовъ этого таинства, благодаря искаженію ими основныхъ догматовъ христіанства. Естественно, поэтому, что церковь, желая въ данномъ случаѣ обезопасить своихъ членовъ отъ еретиковъ и, такъ сказать, отличить ихъ,—должна была стремиться упрочить повсюду одинаковую форму совершенія крещальныхъ актовъ объективнаго характера. Каноническій, а не ритуальный характеръ предписаній церкви въ этомъ случаѣ лучше всего доказываетъ наше предположеніе.

Итакъ, стремленіе къ устойчивости въ совершеніи крещальныхъ актовъ въ III вѣкѣ сдѣлало первый шагъ. Но оно было еще слишкомъ слабо въ это время; оно коснулось,

и то отчасти, только актовъ общественныхъ, и ни мало не относилось къ субъективнымъ. Совершенство послѣднихъ нользовалось отчасти еще тою свободою, какою была въ этомъ случаѣ и въ прежнее время. Это — слабое движеніе объясняется, съ одной стороны, тѣмъ, что весь крещальный чинъ въ III вѣкѣ не получилъ еще полного высшаго развитія ритуальной стороны, а главнымъ образомъ — тѣмъ, что церковь, руководясь практикою прошедшихъ двухъ вѣковъ, не считала еще нужнымъ включать полный крещальный чинъ въ рамку письменнаго чинопослѣдованія.

IV и V вѣка — вѣка полного высшаго развитія крещальнаго чина; въ это время въ немъ получили мѣсто почти всѣ тѣ акты, которые мы видимъ въ составѣ крещальнаго чина послѣдующей практики. Такимъ образомъ, крещальный чинъ въ это время въ своемъ содержаніи вполне сформался. Естественно, поэтому, что съ этого времени совершенство всѣхъ крещальныхъ актовъ, какъ общественныхъ, такъ и субъективнаго характера должно было заключиться въ болѣе или менѣе прочныя формы. Такъ дѣйствительно, и было. Крещальный чинъ этого времени, въ общемъ характерѣ своего совершенія, дѣйствительно, получилъ болѣе или менѣе прочную обстановку. Если сравнить совершеніе крещальныхъ актовъ IV и V вв. съ совершеніемъ ихъ въ послѣдующее время, — то сходство формъ совершенія, конечно не въ частности, а въ общемъ чертахъ, слишкомъ видно. Обстоятельства церковной жизни того времени вполне благоприятствовали этому. Съ одной стороны, христіанское богослуженіе за это время получило вполне оправданный характеръ; а это, понятно, вызвало появленіе наивѣстныхъ и прочныхъ, строгоопредѣленныхъ формъ въ совершеніи каждаго частнаго акта богослуженія. Съ другой стороны, и главнымъ образомъ, развитіе ересей достигло въ это время высшей степени. Въ IV и V вѣкахъ получили свое начало ереси, оставившія глубокіе слѣды въ исторіи церкви своимъ широкимъ развитіемъ и долгимъ существованіемъ. Прочныя основанныя ереси того времени, при своемъ полномъ развитіи, естественно, стремились рѣзко отделиться отъ православныхъ какъ въ совершеніи своего богослуженія вообще, такъ и въ совершеніи крещенія въ частности. Понятно, и церковныя для болѣе прочнаго обособленія православія должна была стремиться въ данномъ случаѣ въ пов-

сходно одинаковой формѣ совершенія своихъ богослужебныхъ актовъ.

Однако, и за это время форма совершенія всѣхъ крещальныхъ актовъ не могла получить полного развитія. Крещальный чинъ только что получилъ полное вѣдшее развитіе; поэтому прочныя формы совершенія его составныхъ актовъ едва начинали устанавливаться. Вслѣдствіе этого въ данное время, при общемъ сходствѣ совершенія извѣстнаго акта въ различныхъ церквахъ, это совершеніе всегда различалось въ частности. Достаточно при этомъ припомнить совершеніе отреченія отъ діавола въ IV и V вѣкахъ. Кроме этого и въ данное время чинопослѣдованія богослужебныхъ церквей еще не заключала въ письменность; поэтому мы и не видимъ за это время прочно сформулированныхъ молитвъ крещальнаго чина.

Если когда, то только уже въ VI вѣкѣ разсматриваемое нами развитіе достигло большей и постоянной прочности. Почему именно такъ, — вполне понятно. Если въ предшествующій періодъ крещальный чинъ въ количественномъ отношеніи вполне совършалъ, то значить къ VI вѣку всѣ крещальные акты имѣли болѣе или менѣе долгое существованіе. Благодаря же этому, они должны были приобрести болѣе или менѣе прочную форму совершенія. — Жизнь церкви вполне сложилась въ пользу этого. Къ VI вѣку церковь почти окончательно покончила со всѣми догматическими вопросами. Естественно, по этому, ей было обратиться къ практической сторонѣ, — къ устройству своего богослуженія и устройству именно со стороны прочности совершенія. Оставшіяся къ этому времени ереси и практически и теоретически вполне прочно обновались, а этики на тоже самое вызывалась и церковь. Къ этому же времени едвали не впервые, по всей вѣроятности, появились чисто богослужебныя книги; а это было рѣшительнымъ шагомъ въ дѣлѣ прочности формъ совершенія богослуженія. При томъ же, къ VI вѣку всюду развился обычай крещенія дѣтей; а это также должно было имѣть рѣшительное значеніе въ дѣлѣ окончательной прочности формы крещальныхъ актовъ. Вслѣдствіе этого, какъ мы замѣтили выше, чинъ крещенія сталъ проще, отрѣшился отъ многихъ мелкихъ частности, составлявшихъ достоиніе крещальнаго чина для взрослыхъ, составныя части его тѣмъ же соединились между собою въ одно цѣлое, — все же это

естественно не могло не отразиться на устойчивости совершенія крещальныхъ актовъ.

Говоря, что внутреннее развитіе крещальнаго чина окончательно совершилось около VI вѣка, мы, очевидно, признаемъ этотъ фактъ болѣе позднимъ, чѣмъ окончательное развитіе внѣшней стороны того же чина. Но это вполне естественно; очевидно, впередъ должно было явиться содержаніе, — а потомъ уже строго опредѣленная и прочная форма этого содержанія.

Но утверждая, что въ VI вѣкѣ окончательно сложилась устойчивая форма совершенія крещальнаго чина, мы не говоримъ того, что съ этого времени чинъ крещенія застылъ вполне въ разсматриваемомъ нами отношеніи. Не говоримъ уже про письменныя редакціи чина, но даже и совершеніе его, если не въ общихъ чертахъ, то, по крайней мѣрѣ, въ частностяхъ было далеко не одинаково съ самаго VI вѣка и далѣе. Прямымъ подтвержденіемъ этого служитъ изложеніе въ разсматриваемомъ нами отношеніи самыхъ древнихъ чиновъ крещенія, изданныхъ у Гоара. Какъ можно припомнить всѣ они болѣе или менѣе различны между собою въ изложеніи того или другаго акта. Въ спискахъ крещальнаго чинослѣдованія, и греческихъ и славянскихъ, времени слѣдующаго за VIII—IX вв. и до самаго XVII вѣка, — мы находимъ тоже самое, т. е. не видимъ еще однообразнаго характера въ совершеніи крещальныхъ актовъ и въ изложеніи крещальной прочности чина. — Объясненіе этого факта въ практикѣ греческой церкви очень простое и именно тоже самое, на которое мы указали при общемъ обзорѣ первой стороны внутренняго развитія крещальнаго чина. Какъ въ томъ случаѣ, такъ и теперь мы считаемъ совершенно справедливымъ утверждать, что въ восточной церкви для крещальнаго чина не было первоначальной однообразной его редакціи; благодаря обширности территоріи церкви онъ сразу явился въ нѣсколькихъ редакціяхъ, болѣе или менѣе различныхъ между собою въ изложеніи тѣхъ или другихъ частныхъ. Эти различныя редакціи, какъ различающіяся между собою только въ частностяхъ, долгое время не терли въ греческой практикѣ своего значенія, да и не могли потерять, особенно тамъ, гдѣ они впервые появились. Сверхъ этого, впрочемъ, разнообразіе греческой практики въ разсматриваемомъ нами отношеніи могло иногда имѣть своимъ

началомъ и тотъ фактъ, что переписчиками съ теченіемъ времени, по требованію обстоятельствъ, вносились въ крещальный чинъ кое-что новое, отличное отъ другихъ его редакцій.

Въ русской же церкви разсматриваемый фактъ главнымъ образомъ объясняется уже указаннымъ нами выше заимствованіемъ изъ греческой практики. Но такъ какъ и въ этомъ случаѣ—и въ области совершенія (въ собственномъ смыслѣ) крещенія и въ изложеніи его чина—мы иногда встрѣчались съ особенностями, не имѣющими для себя аналогичныхъ фактовъ въ греческой практикѣ, то такія не многія особенности не будетъ страннымъ признать чисто русскими, самобытными въ русской практикѣ. При этомъ, такіе факты отступленія русской практики въ области совершенія крещенія, какъ мы замѣтили въ самомъ изслѣдованіи, главнымъ образомъ обуславливаются невѣдѣніемъ нѣкоторыхъ русскихъ совершителей этого таинства⁽¹⁾. Что же касается до отступленій относительно формы совершенія того или другаго акта, встрѣчаемыхъ нами въ изложеніи рукописныхъ славяно-русскихъ чиновъ крещенія, то и это, кажется, было слѣдствіемъ весьма слабого знакомства писцовъ съ греческою богослужебною практикою. По крайней мѣрѣ, только этимъ можно объяснить тотъ фактъ, что чѣмъ ближе къ XVII вѣку, когда уровень духовнаго просвѣщенія сталъ болѣе и болѣе подниматься, тѣмъ изложеніе формы совершенія того или другаго крещального акта мы находимъ правильнѣе.

Только начиная съ XVII вѣка, мы видимъ всюду однообразную редакцію крещального чина, какъ въ греческой, такъ и въ русской церкви. Понятно, что главнымъ условіемъ этого факта является книгопечатаніе, когда явилась возможность сразу и всюду ввести однообразную редакцію чина

(1) Въ подтвержденіе мы можемъ сослаться на дѣянія собора 1666—1667 г., гдѣ прямо говорится, что у русскихъ священниковъ «тайны божественныя не тайны, крещеніе не крещеніе», причемъ, какъ на условіе этого, указывается на то, что «мнози вѣдѣши не точію отъ простыхъ, но и отъ освященныхъ, оми отъ великаго невѣдѣнія божественныхъ писаній» и т. д. «Дополн. къ ист. историч. Томъ V, № 102.

крещенія. Благодаря же этому условию, мы и видимъ уже болѣе двухъ вѣковъ неизмѣнно существующимъ, какъ изложеніе чина крещенія, такъ отсюда и его совершеніе. Последнее же, очевидно, можетъ повясть, что въ настоящее время внутреннее развитіе крещальнаго чина можно считать уже законченнымъ. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что настоящая редакція крещальнаго чина не есть копія съ какой либо одной извѣстной древней редакціи, а результатъ критическаго отношенія ко всемъ существовавшимъ редакціямъ.

Резюмируя все сказанное нами по поводу внутренняго развитія крещальнаго чина, мы приходимъ къ такимъ общимъ положеніямъ: 1) Полное внутреннее развитіе крещальнаго чина совершилось подлѣе внѣшняго его развитія. 2) Факторами внутренняго развитія крещальнаго чина были на первыхъ порахъ и главнымъ образомъ повмненіе и развитіе ересей, а вслѣдъ за тѣмъ и отчасти—естественное стремленіе церкви къ единству какъ въ теоретическомъ ученіи, такъ и въ богослужебной практикѣ. 3) Получивъ окончательное внутреннее развитіе въ VI вѣкѣ, крещальный чинъ въ послѣдующей практикѣ греческой церкви и въ практикѣ церкви русской до самаго позднѣйшаго времени далеко, однако, не получаетъ полнаго единообразія со стороны порядка его составныхъ, особенно второстепенныхъ, актовъ, равно какъ и со стороны формы совершенія этихъ актовъ и вида изложенія ихъ въ рукописныхъ чинемослѣдованіяхъ крещенія. 4) Главнымъ условиемъ этого разнообразія въ практикѣ греческой церкви было отсутствіе одной первоначальной редакціи крещальнаго чина, въ практикѣ же церкви русской—подражаніе греческой практикѣ и отчасти самостоятельна измѣненія, внесенныя русскими писцами въ крещальный чинъ въ большинствѣ случаевъ на основаніи разнообразія греческихъ его редакцій. 5) Внутреннее развитіе крещальнаго чина въ настоящее время можно считать законченнымъ.

Переходимъ теперь къ общему обзорѣ исторической судьбы чина муромованія.

Какъ актъ сакраментальный, названный для введенія на принимающаго его благодатныхъ даровъ Святаго Духа, актъ муромованія, какъ равнымъ образомъ и актъ крещенія, по своему происхожденію съ внутренней стороны, есть фактъ совершенно новый, невѣдомый до христіанскому міру. Что же касается до происхожденія его со стороны

вышней, то въ этомъ случаѣ мы приходимъ къ тому же самому взгляду, который высказанъ нами по поводу этого вопроса, въ отношеніи его къ крещенію. Какъ тамъ, такъ и здѣсь совершенно новымъ въ этомъ случаѣ является только формула муромомазанія: „печать дара Святаго Духа“; существенная же вышняя форма—помазаніе муромъ—и здѣсь, будучи принятою по внушенію Святаго Духа,—не есть явленіе въ христіанскомъ культѣ абсолютно новое. — Справедливость нашего взгляда вполнѣ ясно подтверждается представленнымъ нами въ изслѣдованіи о муромомазаніи свидѣтельствомъ *Тертуліана* (1). Поэтому и въ данномъ случаѣ есть полное основаніе утверждать, что помазаніе муромъ является существенною вышнею формою христіанскаго таинства именно благодаря общечеловѣческому воззрѣнію на подобный актъ, какъ естественное выраженіе явленія на принимающаго его высшихъ дарованій.

Исторія вышняго развитія чина муромомазанія далеко не представляетъ собою такого сложнаго явленія, какое мы видѣли въ этомъ случаѣ относительно крещенія. Между тѣмъ какъ послѣдній чинъ по мѣрѣ своего дальнѣйшаго существованія, до извѣстнаго времени все болѣе и болѣе осложнялся новыми второстепенными актами, пока не получилъ по своему содержанію вида весьма широкаго и сложнаго цѣлаго,—числослѣдованіе муромомазанія, можно сказать, навсегда осталось съ тѣми же самыми элементами, которые мы находимъ въ немъ еще въ практикѣ первоначальной церкви. Если мы и видимъ въ послѣдующей практикѣ прибавленіе къ этому чину, какъ онъ былъ въ первоначальной церкви, то оно заключается исключительно въ присоединеніи къ нему акта омовенія частей тѣла, помазаніемъ муромъ.

Такая бѣдность вышняго развитія разсматриваемаго чина объясняется очень просто. Таинство муромомазанія, какъ извѣстно каждому, въ дѣлѣ спасенія человека занимаетъ менѣе видное мѣсто сравнительно съ таинствомъ крещенія. Между тѣмъ какъ безъ принятія перваго, по крайней мѣрѣ, въ извѣстныхъ случаяхъ, человекъ можетъ еще достигнуть загробнаго блаженства истиннымъ членомъ бла-

(1) См. стр. 369.

годатваго царства Христа,—безъ принятія послѣднiаго таинства онъ лишается этого навсегда. Съ другой стороны, какъ мы вполнѣ убѣдились выше, совершенiе муропомазанiя, съ самаго момента его возникновенiя, всегда соединялось съ совершенiемъ крещенiя и соединялось настолько близко, что уже въ довольно раннее время чиновослѣдовацiя того и другаго таинства стали такъ тѣсно примыкать другъ къ другу, что представляли изъ себя одинъ весьма сложный чинъ, одно стройное цѣлое, какъ это есть и теперь. Эта-то тѣсная связь совершенiя крещенiя и муропомазанiя, обусловливаемая внутреннимъ соотношенiемъ благъ, даруемыхъ тѣмъ и другимъ таинствомъ,—и служила, по нашему мнѣнiю, главнымъ и исключительнымъ условiемъ бѣдности внѣшняго развитiя чиновослѣдованiя муропомазанiя. Справедливость такого взгляда очевидна. Автъ крещенiя болѣе важный по своему значенiю, чѣмъ актъ муропомазанiя, соединяясь въ своемъ совершенiи съ послѣднимъ, невольно ставилъ въ тѣни значенiе муропомазанiя; отсюда главное вниманiе практики церкви въ дѣлѣ большаго усложненiя актами и болѣе стройной, цѣлостной и сложной организацiи cadaго изъ этихъ актовъ, невольно, скорѣе всего и всегда обращалось въ сторону чина крещенiя.

Благодаря своему незначительному объему, естественно, что чинъ муропомазанiя свое окончательное внѣшнее развитiе долженъ былъ получить далеко раньше, чѣмъ чинъ крещенiя. Такъ дѣйствительно и было. Насколько можно заключить на основанiи нашего изслѣдованiя, это развитiе окончательно завершилось въ первые три вѣка. Правда, указанiя относительно акта омовенiя частей тѣла, помазанннхъ муромъ, и то слишкомъ косвенныя, мы находимъ только уже около IV вѣка, но очень естественно, что зародышъ и этого акта относится еще въ III вѣку, если принять во вниманiе, что въ это время внѣшнее развитiе христанскаго богослуженiя весьма значительно двинулось впередъ.

Но хотя рассматриваемое нами чиновослѣдованiе въ своемъ внѣшнемъ современномъ намъ объемѣ окончательно развилось и слишкомъ рано, однако, это не устранило въ немъ тѣхъ или другихъ, временно существовавшихъ, прибавленiй въ периодъ между окончательнымъ моментомъ развитiя и практикою самаго послѣднiаго времени. Историческое обзоренiе этого чина наглядно показало намъ, что въ этотъ

долгий промежутокъ времени къ нему не рѣдко дѣлалось то или другое прибавленіе, существовавшее съ извѣстное только время. Такъ наприм., въ смыслѣ такихъ прибавленій въ греческихъ рукописныхъ чинахъ мы встрѣчаемъ произнесеніе особой екстони надъ муромъ и вторичное иѣвіе исаіа, въ русской же практикѣ, кромѣ этого, долгое время при формулѣ муропомазанія произносилась еще извѣстная намъ выраженія изъ твореній *Кирилла Иерусалимскаго*. Возникновеніе такихъ прибавленій въ греческомъ чинѣ отчасти можетъ быть объяснено тѣмъ, что они могли быть въ какой либо древней, не сохранившейся до нашего времени, мѣстной редакціи чина муропомазанія; а главнымъ образомъ и скорѣе всего—тѣмъ, что заключительная часть крещальнаго чина, среди которой имѣеть мѣсто чинъ муропомазанія (въ собственномъ его смыслѣ), слишкомъ долгое время не получала прочной и опредѣленной организаціи. Что касается до практики русской церкви, то тѣ прибавленія, которыя находятъ и въ греческихъ спискахъ муропомазанія, явились здѣсь, понятно, благодаря замѣщенію отсюда, а самобытное прибавленіе къ формулѣ, какъ мы сказали въ самомъ изслѣдованіи, было вызвано опредѣленнымъ историческимъ фактомъ.

Какъ актъ весьма не обширный по своимъ составнымъ частямъ и потому развившійся въ этомъ отношеніи гораздо раньше, нежели чинъ крещенія,—чинъ муропомазанія, естественно, долженъ былъ развиться раньше его и съ своей внутренней стороны, понимая послѣднюю, какъ движеніе этого чина на пути опредѣленнаго упорядоченія его составныхъ элементовъ. Такъ, дѣйствительно, и было, если понимать въ этомъ случаѣ чинъ муропомазанія въ тѣсномъ и собственномъ его смыслѣ. Окончательный элементъ упорядоченія составныхъ элементовъ его въ данномъ значеніи, на основаніи нашего изслѣдованія, вполнѣ вѣроятнымъ будетъ отнести—самое меньшее—къ началу IV вѣка. Такое раннее развитіе его въ рассматриваемомъ отношеніи вполнѣ понятно, какъ скоро мы припомнимъ, что въ составъ чина муропомазанія, въ понимаемомъ нами значеніи, съ самаго начала и всегда входили только существенные, самые необходимые элементы. Но совсѣмъ другое нужно сказать, если чинъ муропомазанія понимать въ данномъ случаѣ въ его широкомъ смыслѣ, т. е. какъ чинъ, слоганный изъ

акта муропомазанія въ собственномъ смыслѣ и акта омовенія частей тѣла, помазанныхъ муромъ. Въ этомъ смыслѣ разсматриваемый нами чинъ въ совершеиіи его прикладной части, не говоритъ уже въ столь раннее время, какъ VII—IX вв., но даже далеко послѣ и по крайней мѣрѣ до самаго XVII вѣка постоянно измѣнялся въ порядкѣ своихъ составныхъ частей. Съ другой стороны и рано установившійся порядокъ чина муропомазанія въ собственномъ смыслѣ, послѣ этого факта, до самаго позднѣйшаго времени не всегда оставался таковымъ и очень нерѣдко нарушался постановкою молитвы надъ муромъ въ различныхъ мѣстахъ по отношенію къ самому акту помазанія муромъ. — Это долгое отсутствіе опредѣленнаго порядка и его разнообразіе въ чинѣ омовенія частей тѣла, помазанныхъ муромъ, и частію въ самомъ чинѣ муропомазанія въ области практики греческой церкви, съ одной стороны, объясняется отсутствіемъ однообразной первоначальной редакціи чина омовенія и чина крещенія, а съ другой, — не значительною важностію того самаго акта, для котораго назначенъ чинъ омовенія. Въ практикѣ же русской церкви этотъ фактъ обусловливался исключительно подражаніемъ греческой практикѣ; потому что всѣ особенности порядка, замѣчаемыя нами въ славяно-русскомъ чинѣ муропомазанія находятъ для себя оригиналь въ его греческихъ спискахъ.

Почти тоже самое, что мы сказали относительно историческаго развитія устойчивости порядка составныхъ элементовъ чина муропомазанія, мы должны сказать и относительно развитія устойчивыхъ и опредѣленныхъ формъ совершенія его составныхъ актовъ. Всѣ существенные элементы разсматриваемаго чина сравнительно рано и, по всей вѣроятности, около V вѣка получили ту самую форму совершенія, какую мы видимъ для нихъ въ настоящее время. Но второстепенные составные акты, какъ и въ отношеніи къ порядку своего совершенія, такъ и въ дѣлѣ до самаго позднѣйшаго времени и именно до XVII вѣка разнообразились въ своемъ изложеніи въ рукописныхъ богослужебныхъ памятникахъ. Для наглядности достаточно въ этомъ случаѣ припомнить исторію тѣхъ словъ, которыя произносятся при омовеніи частей тѣла, помазанныхъ муромъ. Равнымъ образомъ и существенные акты, получивъ въ раннее время форму

совершения, одинаковую съ современною намъ, въ послѣдующій періодъ времени, до самаго XVII вѣка, на практикѣ нерѣдко не сохраняли эту форму, какъ можно заключать на основаніи неодинаковаго ихъ изложенія въ греческихъ и славяно-русскихъ епискахъ. Для подтвержденія припомнимъ, напримѣръ, произнесеніе формулы въ практикѣ греческой церкви древняго времени (XV в.) и въ практикѣ церкви русской до XVII вѣка. И это разнообразіе, какъ и въ другихъ случаяхъ, въ практикѣ греческой церкви объясняется, главнымъ образомъ, отсутствіемъ для чина муропомазанія одной первоначальной редакціи, а въ русской практикѣ—частію подражаніемъ практикѣ первой церкви, а иногда—просто невнимательнымъ отношеніемъ къ греческимъ спискамъ муропомазанія, какъ напримѣръ въ отличіи отъ греческой практики во внѣшнемъ выраженіи формулы муропомазанія.

Общіе выводы, къ которымъ мы приходимъ послѣ всего сказаннаго нами относительно чинослѣдованія муропомазанія—таковы: 1) Чинослѣдованіе муропомазанія, какъ и чинослѣдованіе крещенія, въ основѣ происхожденія своего существеннаго акта, имѣетъ указанное нами выше общее возрѣніе на этотъ актъ, какъ на исполнѣ соотвѣтствующій внѣшнему выраженію таинственнаго низведенія на человека благодатныхъ даровъ Святаго Духа. 2) Полнаго внѣшняго развитія это чинослѣдованіе достигло ранѣе чина крещенія, благодаря слишкомъ не обширному кругу своихъ составныхъ актовъ, при чемъ бѣдность этого внѣшняго развитія зависѣла исключительно отъ тѣсной связи совершенія муропомазанія съ совершеніемъ крещенія. 3) Благодаря незначительному кругу составныхъ элементовъ, внутреннее развитіе чина муропомазанія въ существенныхъ чертахъ совершилось тоже ранѣе того же самаго развитія въ исторіи крещеннаго чина, но въ послѣдующей практикѣ—и порядокъ совершенія составныхъ актовъ и форма ихъ совершенія весьма нерѣдко нарушались; условіемъ этого въ греческой практикѣ было отсутствіе одной первоначальной редакціи чина муропомазанія, а въ практикѣ церкви русской—главнымъ образомъ подражаніе практикѣ греческой церкви. 4) Современный чинъ муропомазанія во всѣхъ отношеніяхъ согласенъ съ древнимъ чиномъ того же самаго. 5) Внѣшнее

развитіе этого чинопослѣдованія можетъ продолжаться и дѣлѣ, но внутреннее развитіе—и со стороны порядка чина, примѣнительно въ настоящему его составу, и со стороны формы совершенія уже существующихъ въ немъ актовъ—можно считать законченнымъ.

Коротко результатъ всего изслѣдованія можно выразить въ такихъ общихъ положеніяхъ:

1) Въ основѣ чинопослѣдованія крещенія лежитъ заповѣдь Христа Спасителя: *идите научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа.*

2) Въ этой заповѣди Христа Спасителя узаконены два существенныя дѣйствія чина крещенія—троекратное погруженіе крещаемого въ воду и произнесеніе при этомъ божественныхъ именъ пресв. Троицы.

3) Къ этимъ двумъ дѣйствіямъ, съ теченіемъ времени, мало по малу, церковію были присоединены многія другія дѣйствія, расширившія первоначальный чинъ крещенія до современныхъ размѣровъ.

4) Вводя въ чинопослѣдованіе новыя дѣйствія, церковь руководилась не подражаніемъ кому-либо, а исключительно—потребностью вѣрующихъ и цѣлесообразностію такихъ дѣйствій при чинѣ крещенія, и потому въ послѣдній были внесены только дѣйствія вполне умѣстныя здѣсь по своему внутреннему смыслу и значенію.

5) Внѣшними факторами въ дѣлѣ введенія новыхъ дѣйствій были,—съ одной стороны—противодѣйствіе язычеству, какъ угнетающей силѣ и какъ

пышному культу, а съ другой—развитіе до известной степени теоретической стороны христіанскаго ученія.

6) Введеніе новыхъ дѣйствій въ чинъ крещенія, можно сказать, закончилось еще въ IV—V вв.; однако, по требованію обстоятельствъ, хотя и въ незначительной степени оно продолжалось церковію и послѣ и можетъ продолжаться впредь.

7) Рядомъ съ постепеннымъ образованіемъ полного состава чинопослѣдованія крещенія церковію постепенно устанавливались и однообразіе и опредѣленность въ порядкѣ и формѣ совершенія всѣхъ составныхъ частей чина крещенія.

8) Современные—порядокъ и формы совершенія составныхъ дѣйствій крещальнаго чина въ общихъ чертахъ установились здѣсь еще къ VI в. Внѣшними факторами въ этомъ случаѣ были,—съ одной стороны—противодѣйствіе еретикамъ а съ другой—естественное стремленіе церкви къ единству какъ въ теоретическомъ ученіи, такъ и въ богослужебной практикѣ.

9) Что касается до частныхъ, то онѣ какъ въ отношеніи къ порядку, такъ и въ отношеніи къ формѣ, въ исторіи крещальнаго чина представляютъ много неустойчиваго до самаго позднѣйшаго времени.

10) Главнымъ условіемъ такой неустойчивости въ практикѣ греческой церкви было отсутствіе однообразія въ первыхъ по времени письменныхъ изложеніяхъ чина крещенія, въ практикѣ же церкви Русской—подражаніе греческой практикѣ и отчасти самостоятельныя измѣненія, вносимыя русскими писцами.

11) Полное всестороннее обозрѣніе исторической судьбы крещальнаго чина даетъ право помѣтить въ ней слѣдующіе періоды: А) I—II вв.—періодъ простоты и несложности крещальнаго чина и полнѣйшей свободы въ совершеніи его второстепенныхъ актовъ, Б) III—V вв.—такъ сказать, періодъ торжественнаго крещальнаго чина, въ каковое время развился и существовалъ институтъ оглашенныхъ, крещеніе совершалось въ большинствѣ случаевъ въ присутствіи епископа и въ тор-

жесточенные дни и къ этому чинѣ быстро одинъ за другимъ вводились новыя торжественныя обряды; VI—X вв.—періодъ постепеннаго упрощенія крещальнаго чина, что случилось благодаря вопиющему во всеобщую практику обычая крещенія младенцевъ; XI—XVI вв.—періодъ постепеннаго развитія большаго и большаго разнообразія списковъ крещальнаго чина, въ отношенія къ порядку и формѣ изложенія его частей; XVII в.—и до настоящаго времени—періодъ господства однообразной (и въ греческой и въ Русской церкви) редакціи крещальнаго чина.

12) Сущестующія теперь въ крещальномъ чинѣ порядокъ и форма составныхъ актовъ можно считать окончательно установившимися.

13) Современный чинъ крещенія во всѣхъ отношеніяхъ вообще сходенъ съ тѣмъ же самымъ въ практикѣ древней церкви, и именно съ чиномъ крещенія первыхъ четырехъ вѣковъ.

14) Существенныя дѣйствія чинопослѣдованія Мвропомазанія имѣютъ для себя ясныя указанія въ Свящ. Писаніи.

15) Благодаря постоянной тѣсной связи совершенія крещенія съ совершеніемъ мвропомазанія, чинъ послѣдняго всегда былъ крайне бѣденъ обрядовыми актами, и введеніе въ него новыхъ дѣйствій прекратилось ранѣе, чѣмъ это было въ крещальномъ чинѣ,—и именно около III вѣка; впрочемъ незначительныя и притомъ временныя прибавленія въ послѣдующее время были и здѣсь.

16) Общій порядокъ и формы совершенія въ чинѣ мвропомазанія, вслѣдствіе не обширнаго круга его составныхъ актовъ, опредѣлились также рано и именно около IV вѣка; при этомъ неустойчивость порядка и формы въ отношеніи къ частностямъ въ послѣдующей практикѣ сказывалась и здѣсь. Условія этого были тѣже что и въ чинѣ крещенія.

17) Въ общихъ чертахъ историческій процессъ чина мвропомазанія представляетъ собою фактъ болѣе

или менѣе однообразный и не сложный, а потому мы не видимъ въ нихъ какихъ либо опредѣленныхъ периодовъ, съ замѣтными отличительными чертами.

18) Современный чинъ мурошмазанія, какъ и чинъ крещенія вполне сходенъ съ древнимъ чиномъ первыхъ трехъ вѣковъ; формы и порядокъ его въ настоящее время можно считать окончательно установившимся, но составъ его можетъ расширяться и впредь.

